

П. Е. ШЕЛЕСТ

«...Да не судимы будете»

<Фрагменты>

В Венгрию направляется партийно-правительственная делегация Советского Союза, возглавляемая Н. С. Хрущевым. В составе делегации: Козлов Ф. Р., Громыко А. А., Шелест П. Е. и посол СССР в Венгрии Андропов Ю. В. Поездка эта была нелегкой и даже сложной в политическом плане — ведь не прошло и года, как в Венгрии был разгул контрреволюции¹. Коммунистов вешали, расстреливали, наша печать пестрила фотографиями зверских расправ с партийным активом Венгрии. Для подавления контрреволюционных очагов нам пришлось применить силу оружия, даже танки и орудия — все это выполнила Южная группа войск. Обстановка в Венгрии того времени была особо сложная и настороженная. Впервые на политическую арену начал выходить Янош Кадар.

Помню, что переговоры Н. С. Хрущев с венгерскими товарищами вел с особым умением, прямоотой, вместе с тем и определенным тактом. Наша делегация посетила несколько городов и предприятий. Он откровенно и прямо выступал перед рабочими-машиностроителями, шахтерами. Н. С. Хрущев неизменно при каждой встрече, на собраниях, митингах представлял, причем поименно с краткой характеристикой, каждого члена делегации, и это, казалось, еще больше повышало вес, значимость и представительность делегации нашей страны. На встречах, митингах приходилось выступать и мне от имени нашей делегации. Посетили мы колхоз, конный завод, где Н. С. Хрущеву подарили отличную тройку белых лошадей в упряжке. Их, конечно, Хрущев передал на сельскохозяйственную выставку. Посетили хорошо организованную птицефабрику, откормочный совхоз крупного рогатого скота. У нас в то время еще не было таких организованных хозяйств и с такими высокими агротехническими и технико-экономическими показа-

телями. Да и общая культура земледелия у венгров стояла в целом выше нашей. Я лично у венгров позаимствовал многое.

Была ли какая в то время опасность для главы нашей делегации и в целом для всей делегации? Безусловно, была. Недаром нас усиленно опекала охрана каждого в отдельности члена делегации. Наша делегация была размещена в особняках на Буде. Вечерами, поздно, мне часто приходилось по многу часов прогуливаться и разговаривать с Н. С. Хрущевым на разные темы. Он страшно не любил и даже ругался, когда в часы отдыха и прогулок за нами буквально по пятам следовала охрана. Это было именно в Венгрии, когда Н. С. Хрущев просто рассвирепел и прогнал охрану, затем вызвал полковника Литовченко, главного «телохранителя», и при мне сказал ему: «Вы что не даете свободно отдохнуть и поговорить? Что вы за мной шпионите?» После этого случая охрана не уменьшилась, но охраняемым они старались просто не попадаться на глаза.

Всем составом делегации посетили штаб и командование, а также воинскую часть нашей Южной группы войск. Командующий группой генерал Казаков построил почетный караул войск. Его обошел Н. С. Хрущев вместе с Яношем Кадаром, затем состоялся митинг, на котором с речами выступили Хрущев и Кадар — все прошло на большом подъеме.

После проведенных переговоров Н. С. Хрущевым и Яношем Кадаром был подписан советско-венгерский договор, в котором предусматривалось развитие экономических, культурных, научных и военных взаимоотношений. Никаких разногласий не возникало, при подписании присутствовали все члены делегации.

В честь нашей делегации в знаменитом здании венгерского парламента над Дунаем венгры устроили грандиозный прием на 1000 человек. Когда закончилась официальная часть, были произнесены соответствующие речи и провозглашены тосты и пожелания, Н. С. Хрущев решил пройтись среди присутствующих на приеме по всем залам. Присутствующими это было встречено необычайно хорошо, но это и создало толчею, беспорядочное скопление огромной массы людей, и в случае какой-либо враждебной акции охрана оставалась совершенно беспомощной. Я помню, что только три человека были рядом с Н. С. Хрущевым: Литовченко, Казаков и я. На мой взгляд, это был опасный и не совсем обдуманый «рейс» в массы. <...>

У меня еще в 1957 году возникла мысль — построить новое современное село со всеми городскими удобствами, которое бы послужило прообразом проектирования и застройки сел области.

Было решено: у трассы Киев — Одесса построить новое село Ксаверовка. <...> С начала 1958 года развернулись работы по строительству Ксаверовки.

В ЦК КПУ и Совмине к затеваемому мной делу относились снисходительно, но помощи, по существу, не оказывали никакой. <...> И все же, хотя с большими трудностями, новое село Ксаверовка было отстроено. О нем в то время много писали в газетах, передавали по телевидению, снимали в кино, в журналах «Огонек», «Советский Союз» помещали фотографии. Ксаверовку показывали многочисленным делегациям как нашим, так и зарубежным. В один из приездов Н. С. Хрущева в Киев он посетил Ксаверовку, осмотрел хозяйство, встретился и имел обстоятельную беседу с колхозниками, побывал в коттеджах и поговорил с их хозяевами. В коттеджах были все удобства: водопровод, санузлы, газ, ванна. Н. С. Хрущев одобрительно отозвался о застройке села, ему тут все понравилось.

Я рассказал Н. С. Хрущеву о всех трудностях, с которыми мы сталкивались при застройке села, и о критике в мой адрес за расходование фондируемых материалов на кооперативное строительство. Он одобрил все мои действия. После посещения Ксаверовки, выступая на совещаниях, он не один раз приводил в пример, как на деле надо заниматься перестройкой сел, имея в виду застройку Ксаверовки. После его выступлений от меня отстали все критиканы и «блюстители» государственных интересов. Я же начал продумывать планы застройки по-новому, с учетом недоработок в Ксаверовке, нового села Кодак. И еще при мне это село начало застраиваться по новым, более усовершенствованным проектам, и получилось просто хорошим селом городского типа.

Кириченко А. И. ушел работать в Москву — секретарем ЦК КПСС. Первым секретарем ЦК КПУ избирается Н. В. Подгорный. Откровенно говоря, работать стало несколько легче, меньше стало ненужного шума, трескотни, беспредметности, шарахания из стороны в сторону. Устанавливается какая-то стабильность и уверенность в своих действиях. С Подгорным Н. В. у меня сложились деловые взаимоотношения, меня часто приглашают на заседания Президиума ЦК КПУ, на разного рода мероприятия, я становлюсь ближе к работе всего Президиума. В Киев часто приезжает Н. С. Хрущев, я каждый его приезд с ним встречаюсь, он все ближе знакомится со мной.

Как-то при очередной встрече я рассказал Хрущеву, что на Мироновской селекционной станции тогда еще совершенно неизвестным селекционером Ремесло выведен хороший высокоуро-

жайный сорт озимой пшеницы-808. Но ее не внедряют, мол, она не прошла «сортоиспытания», которое длится уже около 6 лет. Я высказал свою мысль: испытать этот сорт озимой пшеницы прямо в производственных условиях. Никита Сергеевич к моему предложению отнесся благосклонно, при этом сказал: «А, что? Возьмитесь, только проводите осторожно, сильно не увлекайтесь, пока не получите хорошие результаты. О вашем эксперименте меня проинформируйте». <...>

27 января 1959 года открылся XXI съезд КПСС. Его открыл Н. С. Хрущев. На съезде присутствуют 72 делегации коммунистических и рабочих партий мира. Весь день продолжался доклад Н. С. Хрущева, доклад был хороший — эмоций хоть отбавляй, как всегда это бывает у Хрущева. Но все по-разумному, подход к делам реальный, вскрытие ошибок и критика недостатков острые. Хорошо, что обнажаются, а не лакируются и скрываются недостатки — при этом веришь в то, что руководство знает, что делается в стране.

Утром 9 мая на Бориспольский аэродром прилетели Н. С. Хрущев и сопровождающие его лица. Народа на аэродроме встречало много, были преподнесены цветы, хлеб и соль. Хлеб и соль Никите Сергеевичу вручила молодая, красивая, в национальном костюме колхозница Катерина Коробенко. Хрущев любил украинский народ и по-особому, с большим уважением относился к его культуре и традициям. Встреча в аэропорту прошла хорошо, у Хрущева было хорошее настроение, он приветствовал собравшихся и был весел и доброжелателен. По дороге на дачу в Межигорье везде было много народа, и его искренне встречали. Н. С. Хрущев сам был искренним, неподдельно-общительным человеком, он не «играл роль вождя», а держал себя просто и этим завоевал симпатию и уважение у простых людей.

10 мая, утром, из резиденции, где разместился Хрущев, мы на открытой машине выехали в колхоз «Червонный хлебоборб». Накануне меня предупредил Подгорный, чтобы людей нигде не выводили, встреч и приветствий никаких, так якобы пожелал сам Хрущев, ссылаясь на то, что это деловая поездка. Я так и поступил. И мы: Хрущев, Подгорный, Коротченко, Кальченко и я — следовали на машине по непривычно пустынным улицам Киева. Но я все же на свой страх и риск сказал секретарю Обуховского райкома партии П. Олейнику, чтобы хотя бы немного приветствовавших было в районном центре, через который мы должны проследовать. Я чувствовал, что может быть неприятность из-за этого.

Но «неприятность» случилась раньше. Отъехали мы от Киева на 10–12 километров. В районе дачного поселка Козин в лесу на пригорках собралось довольно много людей. Увидели Хрущева, начали приветствовать его и просить, чтобы он остановился. Он скомандовал остановить машину, накоротке поздоровался с людьми, перебросился несколькими словами. Распрощавшись, последовал дальше, люди его тепло проводили. Но тут на меня обрушился Подгорный за «непослушание», что появились люди, я ему отвечаю, что никто команды не давал и что это чисто стихийное явление. В наш разговор вмешался Н. С. Хрущев. Он сказал: «А что вы на него напали? Ведь нельзя же разгонять собравшихся по своей доброй воле людей, а людей ведь не обманешь, они видят, что на перекрестках стоят милиционеры, которых раньше тут никогда не было. Вот они и подумали, что это неспроста, ведь с нами едет сам Демьян Сергеевич Коротченко, председатель Президиума Верховного Совета Украины. Чем не "шишка", правда, Демьян?» Все расхохотались, и «гроза прошла».

Но при въезде в Обухов я почувствовал, что Олейник перестарался, все улицы и проезды были запружены народом, возгласы приветствий, бросают букеты цветов в машину. Пришлось остановиться. Хрущев обратился с приветствием к народу, поблагодарил за теплый прием и попросил пропустить машину, «ведь мы едем по делу», сказал он в шутку, но это магически подействовало, народ дал дорогу, и мы поехали дальше. Только полковник Литовченко немного «шипел» на меня, что это он не предвидел. Я сидел молча и думал, что это мне даром не пройдет. Хрущев был в хорошем настроении, сидел молча, только ухмылялся, слушая «шипение» Литовченко.

Но вот при спуске с горы в с. Григоровку, прямо на проезжей дороге, был поставлен стол, накрытый вышитой украинской скатертью, на столе, на рушнике, лежит большой украинский хлеб, на нем солонка с солью и огромный букет цветов тут же на столе. По обе стороны на пригорке стоит много людей, празднично одетых, так как было воскресенье. Машина подошла к столу и, естественно, остановилась. Народ, увидев Н. С. Хрущева, начал его приветствовать. Никита Сергеевич приподнялся в машине, поздоровался с людьми. Для меня такой прием и встреча были неожиданностью, тем более в этом месте. Литовченко снова начал «шуметь». Я ему сказал, что для меня самого это все является неожиданностью. К столу подошла молодая, хорошо одетая, красивая и статная женщина. Она сказала: «Дорогой Никита Сергеевич! Это мы, простые люди, труженики полей и сахарного завода, преподносим тебе хлеб и соль, цветы от всего мира!» При этих

словах у Н. С. на глазах навернулись слезы, он подошел к столу, принял хлеб и соль, отломил корку хлеба, мокнул ее в соль и съел. Это у народа вызвало особый восторг и еще большую симпатию к Хрущеву. Никита Сергеевич поблагодарил за теплый прием, и мы сквозь толпу людей тихо пробрались и поехали дальше. Для охраны такой эпизод в дороге был неожиданным, и Литовченко продолжал все «бурчать» по этому поводу, косо поглядывая на меня и республиканское «начальство». Я, грешным делом, приготовился к самому неприятному разговору по поводу «нарушения протокольных мероприятий». Но после некоторого времени, очевидно, размышляя над эпизодом «стихийной» встречи с людьми, Хрущев сказал: «А здорово придумали, молодцы, поставили на дороге хлеб и соль, знают ведь, что на хлеб не поедет, он же не дурак! Хорошая была встреча, спасибо за теплоту людям». Все «руководители» одобрительно заговорили о непредвиденной встрече, и Литовченко тоже перестал «бурчать».

Во второй половине дня мы и все сопровождающие его в поездке, и почти все члены Президиума ЦК КПУ собрались на даче в Межигорье. Н. С. Хрущев организовал стендовую стрельбу по летающим тарелочкам с призами, он сам был отличным стрелком.

12 мая в Октябрьском дворце Н. С. Хрущев вручил г. Киеву орден Ленина, затем на стадионе был митинг и концерт — все прошло хорошо, организованно².

19–20 мая состоялся Пленум ЦК КПУ — доклад Н. В. Подгорного о мероприятиях по замечаниям, предложениям и высказываниям Н. С. Хрущева по сельскому хозяйству. Речь шла о резком увеличении мясных продуктов, о строительстве откормочных пунктов крупного рогатого скота и свиней. О заготовке и переработке кормов.

Декабрь 1959 года. Совещание у второго секретаря ЦК КПУ т. Найдыка Л. И. 10 декабря в Киев приезжает Н. С. Хрущев, идет подготовка к встрече. Хрущев прибывает поездом, утром. На привокзальной площади митинг, собралось 50–60 тысяч человек. Митинг открывает первый секретарь Киевского горкома Синеца. Выступают рабочий, колхозница, интеллигент. В ответ — Н. С. Хрущев. Он рассказывает о своей поездке в США. Хрущеву колхозники вручают хлеб-соль. По пути следования в резиденцию встречают и приветствуют 100 тысяч трудящихся Киева.

В городе показали домостроительный комбинат, Институт автоматики, комбинат искусственного волокна. Потом поехали

в колхоз «Коммунист» Киево-Святошинского района. Председатель колхоза Бровченко доложил плохо. Н. С. Хрущев много сделал замечаний по хозяйству колхоза: высока себестоимость продуктов животноводства и овощей. Рекомендовал организовать беспривязное содержание скота.

В этот приезд Хрущев снова посетил Ксаверовку, сделал некоторые замечания. Но вопрос приобрел свою «законность» о застройке села, и разные «шавки» вроде Щербицкого отстали.

Н. С. Хрущев внимательно рассматривал вопросы, связанные со строительством Киевской ГЭС³, — затопление поймы и лугов, а также отселение сел, подпадающих под затопление, и отпуски на это кредитов.

27 декабря. Пленум ЦК КПСС. Обсуждается вопрос «О дальнейшем развитии сельскохозяйственного производства» Пленум открыл Н. С. Хрущев. Основными докладчиками были Полянский и Подгорный. В докладах сделан критический анализ достижений и недостатков. Шла речь об огромных перспективах и неиспользованных резервах. Обращалось главное внимание на организаторскую работу и подбор кадров для работы на селе, комплексную механизацию и т. д. и т. п.

Н. С. Хрущев в своем выступлении критиковал Украину. Поднимал Рязанскую область, которая за год увеличила производство в 3,8 раза, а заготовки в 3 раза. Ставит это в пример, как можно мобилизовать резервы.

Рязанцы, зачинатели «высокой» выработки и заготовки мяса, отмечены высокими правительственными наградами. Секретарь обкома Ларионов получил звание Героя Социалистического Труда. Был специально выпущен кинофильм «Рязанские женщины».

Мы еще тогда с Н. В. Подгорным осуждали «рязанские успехи» и удивлялись, откуда все это берется. Критиковать рязанцев было нельзя. Это бы приняли за крамолу. Но ведь большинство понимало — это авантюра, которая с треском скоро и провалилась, стоила жизни Ларионову.

Н. С. Хрущев в своем выступлении поднял значимость медали «За доблестный труд»⁴. Он сказал, что эта медаль должна быть приравнена к званию Героя и носить ее надо с гордостью. Почти все участники Пленума были награждены медалью «За доблестный труд».

19–21 января (1960 г. — *Сост.*) Пленум ЦК КПУ по итогам декабрьского Пленума ЦК КПСС, речи на нем Н. С. Хрущева и сессии Верховного Совета. К сожалению, но факт — постепенно

создается культ Хрущева, и в этом прежде всего повинны наши идеологи и пропагандисты из центра. Откуда идет вся эта «кислая закуска». Больше всех стараются Суслов и Пономарев, да не отстают и другие «деятели». Очевидно, придет время, и будем снова говорить о культе и разоблачать его. Во что же остается верить? Выступал на пленуме и я.

28 июля приехал Н. С. Хрущев. Решили дополнительно показать объекты в области поймы рек Трубежа и Ирпеня, как они осваиваются и каков экономический эффект. В городе осмотрели новый цирк и Дворец спорта. Н. С. Хрущев проинформировал всех присутствующих у него на беседе о том, как проходил III съезд Румынской рабочей партии, и о встрече представителей коммунистических и рабочих партий в Бухаресте⁵. Хрущев нам тогда сказал: «Совещание представителей братских партий в Бухаресте осудило ошибочные позиции руководства ЦК КПК по некоторым принципиальным вопросам марксистско-ленинской теории и современных международных отношений».

Он порекомендовал в поддержку совещания в Бухаресте провести собрания партийного актива в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Свердловске, Горьком, Баку и других городах.

С Н. С. Хрущевым в Киев приехали Кадар — Венгрия и Ульбрихт — ГДР. Все вместе осмотрели намеченные объекты, многое понравилось, но были и замечания. Без этого у «начальства» не обходится. Затем был организован отдых на лугу у Днепра и на озере в Конче-Заспа. Место чудесное — луг, скошенное сено в копнах, под двумя огромными дубами поставлены столы, тут же разбиты палатки. Погода стояла чудесная. Была организована рыбная ловля. Н. С. Хрущев и гости — Кадар и Ульбрихт — остались очень довольны отдыхом.

Декабрь 1960 года. И. Кабанец, председатель колхоза «Червонный хлебороб», послал рапорт об успехах колхоза Н. С. Хрущеву. Тот дал ответ и поздравления. Надо в колхозе по этому поводу провести митинг и принять резолюцию — ответ Н. С. Хрущеву. Для колхоза, района, области — это большое политико-организационное событие.

Январь 1961 года. <...> Надо ехать в Москву на Пленум ЦК КПСС.

Пленум ЦК КПСС открылся 10 января и продолжался до 18. Проходил остро, в особенности по сельскому хозяйству. Украина подвергалась острой критике в вопросах руководства сельским

хозяйством. 14 января было мое выступление. Выступать было нелегко, хотя показатели области по вопросам сельского хозяйства неплохие, могли бы быть примером для многих областей и краев страны. Но Н. С. Хрущев во время моего выступления подавал много реплик. В особенности по развитию птицеводства, в том числе уток на Яготинском озере. При этом полшутя сказал, что, очевидно, мы в Яготине не занимаемся разведением уток, чтобы Кальченко, предсовмина УССР, негде было охотиться. Это в зале вызвало всеобщее оживление.

Н. С. Хрущев настоятельно добивался от меня, чтобы я назвал срок, когда мы организуем образцовое утиное хозяйство. Я отвечал на все его реплики и замечания. Все мое выступление с репликами Хрущева, с моими ответами было полностью помещено в «Правде» и вызвало большую «сенсацию».

28 мая 1961 года. Н. С. Хрущев приехал в Киев. Встреча прошла хорошо. В этот же день машинами выехали в Канев на могилу Т. Г. Шевченко и осмотреть строительство Каневской ГЭС⁶. Поездка по области была связана с некоторыми осложнениями. Ехали в одной машине — Хрущев, Подгорный, Коротченко и я. Только выехали за город, как в поселке Козин видим по обочинам дороги собралось много народа и оживленно приветствуют Н. С. Хрущева — он пользуется большой популярностью и уважением в народе. Подгорный начал меня поругивать, зачем, мол, вывел людей встречать?

В районном центре Обухов совсем нельзя было проехать из-за массы народа. Пришлось остановиться, и Н. С. Хрущев из машины беседовал с людьми. Все было хорошо, и я чувствовал, что и Н. С. Хрущеву в общем-то понравилось. Хрущев любовался полями, что они в хорошем состоянии, отличные озимые, сахарная свекла, всходит кукуруза, посеянная квадратно-гнездовым способом, отличный горох. В нескольких местах он останавливался и смотрел посевы. По всему видно, что он был доволен и немного подтрунивал надо мной. Но, когда видел на индивидуальных усадьбах посев озимых, зло ругался: зачем сеют крестьяне колосовые? Что, значит, у них нет уверенности в том, что их государство, колхоз обеспечит хлебом? Я пытался объяснить, что, мол, это традиция. Он сердился и говорил: «Если традиция, пусть сеют кукурузу». В таких случаях было лучше промолчать.

29 мая все члены Президиума ЦК КПУ были на даче у Н. С. Хрущева в Валках и на обеде все прошло хорошо. Н. С. Хрущев остался доволен поездкой. А 30 мая мы проводили его в Москву.

19–20 июня. Находился в Москве на Пленуме ЦК КПСС. Рассматривается вопрос: «Программа КПСС» — докладчик Н. С. Хрущев.

Все мы, участники Пленума и члены ЦК КПСС, слушали Н. С. Хрущева, поддерживали его, одобряли все. Но в его предложениях и самом проекте программы было много «политической фантазии», иллюзий, самонадеянности, волюнтаризма. Много несбыточных и нереальных положений, предложений и выводов. А мы все «одобряли», всему «бурно аплодировали». И в этом наш общий большой экономический и политический трагизм, большие издержки. Жизнь диктовала другое. Так оно и получилось, ведь «Программа КПСС» осталась забытой, хотя за ее составление многие идеологи, в том числе и Пономарев, стали академиками⁷. Как все впоследствии будет освещаться в нашей сложной, довольно противоречивой и искаженной истории?

21 декабря открылось республиканское совещание по итогам работы сельского хозяйства за 1961 год и перспективам на 1962 год. Совещание проходит во Дворце спорта, присутствует более 5000 человек.

Доклад Подгорного. На совещании присутствует Н. С. Хрущев. Он внимательно слушает выступающих, задает им вопросы, подает реплики, уточняет положение дел.

В заключение выступил Хрущев. Он говорил, что нам надо провести беспощадную борьбу с пропагандистской болтовней и пустозвонством, пора нести отчет перед собственным народом. Выступление Н. С. Хрущева было откровенным, объективным, острым.

24 декабря, воскресенье. Был в Залесье на охоте. Н. С. Хрущев был в хорошем настроении, много шутил, вел себя ровно, как старший товарищ. Охотник, конечно, он отличный. Убил несколько кабанов, оленя, зайца, лису.

7 февраля (1962 г. — *Сост.*). Создана комиссия по составлению проекта новой Конституции. Председатель комиссии Н. С. Хрущев, в состав комиссии включен и я. Проект Конституции предполагается рассматривать на очередном Пленуме ЦК КПСС, а затем на сессии Верховного Совета VI созыва. Работа по составлению Конституции предстоит огромная.

17 апреля. День рождения Н. С. Хрущева. Ему исполнилось 68 лет. Послал ему телеграмму. Поздравил с днем рождения.

Жалко, что ему уже все же много лет. Хотя бы лет на десять меньше. Хотелось бы, чтобы он был здоров и начатое дело по демократизации, улучшению экономики страны, укреплению обороны, намеченных вопросов по Программе КПСС и решений XXII съезда хотя бы частично довел до конца. Ведь неизвестно и трудно представить, что будет после него. Все же Н. С. Хрущев человек незаурядный. У него природный ум, энергия, преданность делу народа, простота, честность.

11 сентября. Поступила записка т. Хрущева по вопросу перестройки партийных органов по производственному принципу. Делаем схему, штаты в целом по республике и в центре. Много трудностей и неясностей, трудно сказать, во что все это может вылиться, есть положительное, но много отрицательного.

2 октября в ЦК КПУ состоялось большое совещание секретарей обкомов, председателей облисполкомов и заведующих отделами ЦК. Обсуждался вопрос «О предстоящей перестройке партийных и советских органов республики». <...> Выступали многие секретари обкомов, вносилось много предложений, в том числе и по ликвидации некоторых областей. <...> Почти все высказались против упразднения городских комитетов в областных центрах. Высказывалось мнение: в области иметь два обкома, но один облисполком. Путаницы и неразберихи полно. В заключение выступил Подгорный. Чувствуется, что он сам не владеет в полной мере этими реорганизационными вопросами. Некоторые его суждения явно не совпадали с мнениями, изложенными в письме Н. С. Хрущева. Подгорный подал мысль, что, возможно, стоило бы организовать крайкомы партии и крайисполкомы на Украине. Было поручено Казанцу и Шелесту к 15 октября дать варианты предложений по реорганизации с учетом мнений, высказанных на совещании. Стояла задача нелегкая, ибо «мнений» было много, но ничего конкретного, состоятельного, заслуживающего внимания. Приступили к «работе», и все в «рамках» письма Хрущева. А как от него отойдешь? Попробуй.

7–14 декабря нахожусь в Москве на сессии Верховного Совета. Был в ЦК КПСС по вопросам новой структуры, долго и обстоятельно беседовал с Рудаковым А. П., секретарем ЦК, он же и председатель бюро по промышленности и строительству. По всей структуре, организации управления в центре у него тоже много туманного. Состав Бюро ЦК КПСС по промышленности:⁸ Рудаков, Фролов, Абызов, Симонов, Ястребов, Снастин, Пигалев. Сессия

Верховного Совета рассматривает вопросы «О развитии народного хозяйства на 1963 год», докладывает Дымшиц, «О бюджете на 1963 г.» и доклад о международном и внутреннем положении нашей страны. Доклад Хрущева (так было объявлено).

По двум первым вопросам ничего примечательного не было. Как всегда, успехи, достижения, «некоторые» недостатки. Хотя недостатков гораздо больше, чем достижений, и если бы устранить недостатки, может быть, не приходилось бы так «горячо» доказывать наши «достижения».

На докладе Н. С. Хрущева хотя бы тезисно стоит остановиться, изложить его суть и содержание. Для истории, что ни происходит в высших политических кругах, имеет особое значение, тем более это надо сделать потому, что находится немало «политиков-фальсификаторов» прошедшей истории. Доклад Хрущева уже получил название: «О современном международном положении и политике Советского Союза».

В своем докладе Н. С. Хрущев остановился на следующих вопросах. Он сказал, что за истекшие семь месяцев в международной политике произошли большие изменения. Наша страна неизменно по-прежнему стоит за политику мирного сосуществования и борьбы за мир, наши помыслы — мирное строительство коммунизма. Остановливаясь на кубинских событиях, говорит, что на Кубу была организована агрессия. «Но мы защитили Кубу, хотя это обошлось дорого и нелегко было все это сделать, мы стояли на грани термоядерной войны». Хрущев излагает суть и значение решения ноябрьского Пленума ЦК КПСС, убеждает, что все, что принято на нем, соответствует ленинским нормам и указаниям по руководству народным хозяйством и политической жизнью страны. Снова выдвигает вопрос о семилетнем плане, что за семь лет мы могли бы значительно увеличить наше производство. Особенно он обеспокоен плохой заготовкой хлеба в стране, в то же время говорит о росте материального благосостояния трудящихся, хотя все это звучит довольно неубедительно. «Мы вскрываем наши недостатки, чтобы лучше работать», — тезис Хрущева правильный. Но, к сожалению, часто бывает так, что мы создаем сами эти трудности, потом боремся с этими трудностями и, преодолевая их, ставим себе это в заслугу. Множество непонятных вопросов. Когда всему этому будет конец? Н. С. говорит о том, как хорошо развиваются социалистические страны, об их достижениях и что это вызывает злобу у империалистов. Далее он говорит: «Если рассматривать международную напряженность, то империалисты хотели бы нас задавить военным путем — они хотят войны против нас. Но мощь наша велика и на прямое выступление против нас они не решатся,

но руководители НАТО проводят открытую военную истерию. Мы за всеобщее разоружение и заключение мирного договора с Западной Германией».

Особое внимание в докладе Н. С. Хрущева было обращено на вопрос кризиса в Карибском море и уроках, какие нам надо извлечь из этого. «Развитие кубинской революции, твердая классовая позиция и политика Ф. Кастро в отношении к империализму США вызывает у последнего ненависть к революционной Кубе. Политика США в отношении Кубы — это бандитская политика. Накануне карибского кризиса США подготовили, создали полную ситуацию агрессии на Кубу. Мы вынуждены были вмешаться, чтобы защитить Кубу, завезли туда оружие, там были наши военные специалисты. На Кубу были доставлены ракеты среднего действия, бомбардировщики Ил-19 и другое оружие и снаряжение. Все это делалось в целях защиты Кубы от агрессии. А не ради того, как шумят империалисты, что Куба плацдарм для нападения на США — это бред, у нас нет и не было такой цели. Все это вызвало тревогу в США, и была объявлена полная боевая готовность вооруженных сил США. Чтобы не допустить военного столкновения, мы пошли на то, что убрали ракеты и бомбардировщики с Кубы. Наше правительство приняло все меры для предотвращения термоядерной войны. Нами на Кубу для переговоров с кубинским руководством был направлен Микоян; это мы сделали, чтобы охладить очень горячий пыл Ф. Кастро, который в вывозе наших ракет с Кубы усматривает чуть ли не измену и предательство с нашей стороны. Сейчас с Карибского моря отведены военные корабли и войска США — Кеннеди твердо заявил о ненападении на Кубу, хотя ему и нелегко было принять такое решение. Одним словом, сейчас задача в том, чтобы завершить урегулирование кризиса в районе Карибского моря. Кто выиграл в этой вспышке? Безусловно, разум. В противном случае могло произойти несчастье. Как это было похоже на то, как на узкой обрывистой тропинке сошлись два козла и друг другу не хотели уступить — в результате оба свалились в пропасть.

В США есть «бешеные», которые хотели бы немедленно развязать войну. У нас осложнились отношения с кубинским руководством, Ф. Кастро выдвинул известные пять пунктов, один из них гласит о том, что руководители революционной Кубы хотят нормализовать с нами отношения⁹. Мы заявляем, что Советский Союз был и будет верным союзником Кубы и будет ей всячески помогать. Наша страна никогда не оставит Кубу в беде. Мы надеемся, что взаимоотношения с Кубой нормализуются, ну а пока вокруг Кубы идет крупная политическая игра.

Западногерманские реваншисты (Аденауэр) требуют твердости Запада в отношениях с Советским Союзом, тем более в связи с карибским кризисом. Министр иностранных дел Великобритании настаивает перед США на том, чтобы Советский Союз в разрешении карибского кризиса пошел на большие уступки. Возможно ли развязывание войны или нападение, вторжение на Кубу? Возможно, мы не можем давать гарантию за сумасшедших и «бешеных» в США».

В речи Н. С. Хрущева по кубинскому вопросу — Карибскому кризису было много неясностей, неточностей, недоговоренностей. Одно было ясно, что поставкой на Кубу ракет и бомбардировщиков был вызван так называемый «Карибский кризис», и мы-таки стояли на грани войны. Понятно, что США было далеко не приятно иметь у себя под боком советские ракеты. Одним словом, создали обстановку невероятной военной напряженности, затем как-то начали из нее выпутываться — и в этом показываем свои «заслуги» и чуть ли не «победу». А народ-то верит в наше благоразумие. Пути решения спорных вопросов в международных делах всегда вызывают большие осложнения.

19 декабря в Киев прибыли Хрущев, Тито. В ЦК КПУ состоялась беседа с югославами. Проводил ее Подгорный, я присутствовал.

На следующий день была поездка с Ранковичем на 512-й химический комбинат. А. Н. С. Хрущев проводил беседу с Тито. Обстановка складывалась теплая, дружеская — так нам говорил Хрущев. Из Киева мы проводили на родину Тито и Ранковича. Наблюдая тогда за взаимоотношениями между Тито и Ранковичем, можно было сделать вывод, что они друг без друга не могли жить, друг другу доверяли и друг друга хорошо понимали.

Хрущев остался в Киеве, вернее говоря, под Киевом, в охотничьем хозяйстве Залесье, он намеревался несколько дней отдохнуть, поохотиться, а затем провести совещание в ЦК КПУ по вопросам реорганизации партийных, советских и хозяйственных органов в республике.

27 декабря из Москвы позвонил Кириленко, подробно интересовался, как прошло совещание, какие структурные подразделения приняты по промышленности и строительству. В особенности он интересовался вопросом, что говорил Н. С. Хрущев, какое у него настроение. Удивительно, они все в ЦК КПСС боялись «настроения» Хрущева, а Кириленко к тому же человек очень мнительный, особо все воспринимал.

Будучи первым секретарем Киевского обкома, я неоднократно встречался и беседовал с Н. С. Хрущевым и никогда не замечал

особых «настроений» его, всегда по делу ему говорил то, что считал нужным и правдивым. Надо откровенно сказать, что Хрущев правдивость и откровенность в работнике особо ценил и страшно не любил болтунов и приспособленцев-конъюнктурщиков.

В Москве 18–22 июня (1963 г. — *Сост.*) проходил Пленум ЦК КПСС, с докладом по идеологическим вопросам выступил Ильичев — секретарь ЦК. По вопросам взаимоотношений с Китаем выступили Суслов, Пономарев, Андропов. Отношения у нас с Китаем складываются сложные, острые, это не может не вызывать тревоги. Напрасно Суслов и Пономарев так легко подходят к этому вопросу. Мы по взаимоотношениям с Китаем будем при такой постановке вопроса иметь много сложностей и неприятностей. А ведь их выступления «задают» тон отношениям с Китаем. Напрасно им — Суслову и Пономареву — Хрущев доверяется, особенно в вопросах взаимоотношений с Китаем. Это «актеры» большой политической сцены; когда-нибудь все это откроется.

На Пленуме выступил Хрущев. Как всегда, горячо, с большим оптимизмом, у него еще много энергии, но все же этого мало, обстановка международная и внутренняя очень сложная. <...>

26 июня утром в 8 часов по вызову ЦК КПСС улетел в Москву. В 11 часов уже был у Подгорного, он мне сказал, что предстоит встреча с Н. С. Хрущевым и членами Президиума ЦК КПСС. Подгорный не раскрывал «карт», но сказал, что речь будет идти о большой работе, мне трудно было представить, о чем может пойти речь. Со мной из Киева в Москву прилетел и Казанец.

Во второй половине дня в Москву прилетели: Соболев — Харьков, Ляшко — Донецк. Все вместе ждали приема у Н. С. Хрущева.

Первым на прием пригласили меня. При разговоре со мной присутствовали все члены Президиума ЦК КПСС. Подгорный высказал свое мнение по поводу предстоящих перестановок и дал обстоятельную характеристику каждому из нас четырех: мне, Казанцу, Ляшко, Соболеву. Все характеристики были хорошими, с индивидуальной оценкой и анализом каждой личности. Разговор со мной был недолгим, общеознакомительным, доброжелательным. Н. С. Хрущев сказал, что я показал себя неплохо на Киевской области и по работе в ЦК КПУ и что он лично поддерживает мою кандидатуру на первого секретаря ЦК КПУ, хотя тут же сказал, что могли быть и другие кандидатуры — в республике много хороших подготовленных кадров. Все члены Президиума согласились с предложением Хрущева и характеристикой, данной Подгорным каждому из нас. Итак, со мной вопрос предрешен, вернее говоря, решен. Надо сейчас ждать решения Пленума ЦК КПУ. <...>

2 июля решался организационный вопрос. Подгорный внес предложение избрать меня первым секретарем ЦК КПУ. Членами ЦК это было воспринято хорошо. (...) На пленуме ЦК КПУ я сказал добрые слова о Н. С. Хрущеве и Н. В. Подгорном, сказал о товарищах — членах Президиума и членах ЦК КПУ: «Пока будет биться мое сердце и видеть глаза, я все буду делать, чтобы оправдать ваше доверие. Уверен, что при поддержке Президиума и членов ЦК, актива республики я сумею продолжить дело Н. С. и его продолжателя Н. В., хорошие партийные традиции» <...>

Первый на Украине.

«Я знаю, как отстраняли Н. С. Хрущева от власти»

5 июля встретили Хрущева, с ним приехал и Подгорный. Хрущев настаивает на том, чтобы Украина сдала государству не менее 700 млн. пудов хлеба, задача очень трудная, можно сдать и 900 млн., но с чем останется животноводство? Надо внимательно рассмотреть весь хлебофуражный баланс, не допустить просчета, отвечать-то за дела в республике перед людьми придется нам. Дал задание Кальченко и Комяхову представить подробные просчеты для реального и конкретного доклада Хрущеву истинного положения дел с хлебом в республике.

Воскресенье, 7 июля. Хрущев изъявил желание поехать посмотреть Киев. С Подгорным заехали к нему в Валки, там была его резиденция, он очень любил там останавливаться, когда приезжал в Киев. По городу мы с Подгорным ездили в одной машине с Н. С. Хрущевым, он в разговорах поднимал много разнообразных, не только политических, но и чисто практических народнохозяйственных вопросов. Вопросами хозяйства, экономики владел хорошо, разбирался в тонкостях, любил заниматься внутригосударственными вопросами, а это ведь большая политика, тут словами ничего не сделаешь.

8 июля мне из Москвы позвонил Брежнев, очевидно, для проформы. (...) Брежнев довольно детально и обстоятельно меня «допрашивал», какое настроение у Никиты Сергеевича, что он говорит о нем, какой разговор ведет с Подгорным? Чувствовалось, что эти вопросы его очень тревожили и волновали. Я, конечно, что знал, рассказывал. На мой взгляд, настроение у Н. С. Хрущева нормальное, правда, он говорил, что в ЦК у него мало помощников. Какие разговоры Хрущев ведет наедине с Подгорным, мне неизвестно, да я этим и не интересуюсь, у меня хватает своих дел. Брежнев

снова задает вопрос, о ком конкретно из работников ЦК говорил Хрущев, я ответил, что фамилий он не называл, но, очевидно, кого-то он имеет в виду, раз говорит <...>

Хрущев в Валках на Днестре принимал заместителя премьер-министра, министра иностранных дел Бельгии. Идет крупный разговор. Хрущев умел вести крупные политические переговоры, умно и ярко защищая свою страну, идеологию, классовую суть дела. Хрущев представил меня бельгийцам, и я присутствовал почти на всех переговорах.

Представляя меня как секретаря ЦК КПУ, Хрущев сказал: «Он у нас инженер-ракетчик», хотя я таковым никогда и не был. Что касается ракет, то можно смело сказать, что если бы не Н. С. Хрущев, то, очевидно, мы бы на долгие годы отстали по ракетостроению от Запада. Он в вопросах строительства ракет был просто неистов, очень строго следил за развитием и спрашивал конкретно за дела. По этим вопросам очень много попадало Брежневу, и он очень боялся Хрущева. Но объективно надо сказать, что Хрущев, увлекшись ракетами, немного упустил развитие авиации, и впоследствии ему же пришлось исправлять положение.

(Не позднее 6 августа. — *Сост.*) Позвонил Шуйский Г. Т., помощник Н. С. Хрущева, и сообщил, что поездом через Украину на Кавказ проследует Хрущев, надо предупредить секретарей обкомов, через какие области Хрущев будет следовать, — Сумы, Харьков, Донецк, возможна встреча секретарей обкомов с Н. С. Хрущевым. Мне лично Н. С. Хрущева надо встретить в Курске. 6 августа вылетел в Курск, где на вокзале вместе с курянами встретил Хрущева. Он пригласил меня в свой вагон. Там был В. П. Мжаванадзе, первый секретарь ЦК Грузии. Он из Москвы возвращался в Тбилиси. По пути в Харьков в вагоне Хрущев подробно интересовался состоянием дел с сельским хозяйством в республике, он сказал, что в стране очень плохо складываются дела с хлебом и что Украина должна выручить — сдать государству 800–900 млн. пудов хлеба. Очевидно, заметив мое явное замешательство и некоторую растерянность, он тут же сказал, что это шутка, но 700–750 млн. пудов от нас ждут.

[Не ранее 8 августа. — *Сост.*] Позвонил из Москвы Шуйский Г. Т., помощник Н. С. Хрущева, и сообщил, что Н. С. после возвращения из Югославии¹⁰ собирается поехать на юг Украины — его интересует ход строительства Северо-Крымского оросительного канала¹¹. Шуйский просил меня уточнить, каково состояние на строительстве канала, и наметить маршрут его осмотра.

Шуйский также передал личную просьбу Н. С. Хрущева, чтобы мы, украинцы, сделали ему настоящий соломенный брыль — крестьянский головной убор, сплетенный из соломы. Хрущев любит носить простые народные вещи. Брыль-то мы сделаем отменно. А вот насчет маршрута, я его продумал. Нанес на планшет, но для точности решил сам по нему проехать.

Октябрь <...> Позвонил Н. С. Хрущев. Он интересовался состоянием озимых посевов, ходом сдачи государству хлеба — тут же добавил к заданию 30 тысяч тонн, интересовался заготовкой картофеля. Он также поинтересовался вопросом, как себя чувствует озимая пшеница сорта «Беостая-1» на экспериментальных влагозарядных участках. Главным образом эти участки у нас были в Донецкой, Николаевской, Одесской, Херсонской и Крымской областях. Я доложил, что озимые на этих участках отличные, но окончательное заключение рано давать. Мы доложим результаты после сбора урожая. Он согласился с моими выводами. Хрущев еще раз поинтересовался о пользе и целесообразности нашей поездки в Краснодарский край за опытом по малому орошению. Я доложил ему, что мы у себя в республике разрабатываем широкий план внедрения малого орошения, главным образом на юге и средней полосе Украины. Хрущев об этом одобрительно отзывался, даже похвалил.

11–20 октября 1963 года. Н. С. Хрущев находится в Крыму. 13 октября в 16–00 позвонил мне в Киев, просил прибыть к нему в Ялту 14 октября. (Кто мог в то время подумать, что ровно через год, 14 октября 1964 года, Хрущев будет смещен со всех его постов? А как впоследствии стало известно, когда Хрущев проявлял заботу об орошении юга Украины, вокруг него уже плелись интриги, готовилась политическая расправа за его принципиальность и нетерпимость к пустословию и безразличию к делам. Главным интриганом и карьеристом выступал Брежнев. Нельзя сказать, чтобы он сам это делал, но хитро привлек разными посулами на свою сторону немало руководящих работников. Но мотив был один: сместить Хрущева, которого он смертельно боялся и перед которым подобострастно заигрывал.) Н. С. Хрущев сказал, что сам желает рассмотреть новую схему орошения юга Украины, просил прибыть к нему вместе с Алексеевским — Водхоз Украины, Кузнецом — директором проектного института «Водогипрохоз», Ткачем — начальником проекта Северо-Крымского канала.

Пригласил к себе всех этих товарищей, обсудили, что будем показывать и докладывать Н. С. Хрущеву. Забрали с собой схемы,

расчеты, альбомы, проекты по всем оросительным системам республики. Взяли с собой макет Северо-Крымского канала, чтобы наглядно показать эту большую стройку.

Рано утром 14 октября 1963 года все вместе самолетом вылетели в Симферополь, а затем на машинах поехали в Ялту, на дачу Н. С. Хрущева. Хрущев принял нас довольно радушно, шутил, расспрашивал о делах, но настроение у него было чем-то все же омрачено. Он весьма внимательно выслушал все доклады и сообщения, рассмотрел представленные схемы, макеты, проекты. Состоялась обстоятельная беседа, мы получили от него задание по дальнейшему развитию орошаемого земледелия в республике. Довольно детально обсуждался вопрос о структуре посевных площадей на орошаемых землях: Хрущев дал задание заложить экспериментальные участки посева пшеницы широкорядным способом. Много говорили о внедрении автоматизации в поливное хозяйство. От беседы с Н. С. Хрущевым у всех осталось большое впечатление.

16 октября, во второй половине дня, с Казанцом — предсовмином, и Комяховым, секретарем ЦК КПУ по сельскому хозяйству, вылетели в Симферополь. Переночевали в особняке на Луговой. Утром 17 октября на перевале встретили Н. С. Хрущева и через Симферополь машины последовали на Перекоп, где состоялся короткий митинг, посвященный пуску воды из Северо-Крымского канала в Крымскую область, в Джанкойские степи. Митинг и выступления — все прошло хорошо, организовано. Н. С. Хрущев был в приподнятом настроении.

Утром 18 октября Н. С. Хрущев и я только вдвоем выехали на охоту в Белогорское фазанье хозяйство, это в 35 километрах на юго-восток от Симферополя. Погода стояла отличная, охота была очень удачной, мы здесь пробыли целый день. В Крыму прошли хорошие дожди, озимые поправляются, это поднимает настроение. Поздно вечером возвратились в Симферополь. 19 октября в 10 часов утра Н. С. Хрущев самолетом вылетел в Москву. В тот же день мы вылетели в Киев.

Во время встречи и бесед с Хрущевым было выяснено и решено много вопросов. В Крыму было несколько совхозов в ведении военных, в том числе и подсобные хозяйства. Они вели свои хозяйства оторванно от общего направления агрозоотехнической политики. Эти хозяйства никакой продукции государству не сдавали, были, по существу, неподотчетны и малопродуктивны. Хрущев все выслушал внимательно и дал согласие установить общедействующую

ций для всех сельскохозяйственных организаций по всей стране порядок. Обговорили вопрос о создании управления в Крымской области орошаемого земледелия.

Беседы с Хрущевым были всегда интересными, он умел выслушивать, задавал вопросы, сам разговор он как-то подзадоривал. Из каждой беседы с ним можно было много взять для себя, для работы.

Стало известно, что 12 ноября в 10.05 поездом в Киев прибывает Н. С. Хрущев, он просит в сам город не заезжать, а высадить его на перегоне, не доезжая до Броваров, чтобы оттуда поехать прямо в Залесье. Там будет его резиденция и место работы по подготовке к предстоящему Пленуму ЦК КПСС. Рекомендовано встречать его мне одному. На 822-м километре поезд был остановлен на 5–6 минут, поданы автомашины. Я вместе с Хрущевым отправился в Залесье.

Вместе с Хрущевым для подготовки доклада к Пленуму прибыли Шуйский, Поляков, Рудаков, Демичев, Ильичев, Сатюков, Андропов, Пономарев, Лебедев, Аджубей. Это только ответственные работники, а сколько технического и обслуживающего персонала, просто трудно всех запомнить. И всех их надо было разместить, обеспечить питанием, транспортом, связью, культурно-бытовыми условиями.

Через несколько дней Хрущев переехал из Залесья в Валки. Это недалеко от Киева у Вышгорода: ближе к городу, больше удобств. Здесь он, в частности, рассматривал вопросы сельского хозяйства Российской Федерации, при этом присутствовал и я. Н. С. Хрущев меня сам пригласил. Я на фактическом материале убедился, что дела наши в сельском хозяйстве просто плачевные, если не сказать большего.

В тот же день вечером, в 17.00, я с Н. С. Хрущевым выехал в Залесье. По дороге он основательно меня пожурил за излишнее освещение города, дал задание сократить до пределов разумного освещение. Это верно, что надо экономить электроэнергию. <...>

Хрущев снова возвратился к пересмотру и пересчету наших предложений по зерновым. Вопросы сельского хозяйства его очень тревожат, беспокоят, волнуют. Не так давно бросали лозунги: «Догоним и перегоним Америку»¹², а сейчас просто у нас катастрофа с сельским хозяйством, и это не может не отражаться на политическом престиже в целом и, в частности, на престиже Хрущева.

22 января 1964 года в 9 часов 25 минут из Москвы прибыл в Киев специальный поезд, в котором — Хрущев, Кастро, Подгорный, многочисленная охрана, сопровождающие и представители прессы. Всех надо разместить, устроить. На Киевском вокзале в честь

прибытия Ф. Кастро выстроен почетный караул, много было встречающих. Тогда еще многие интересовались Ф. Кастро, и он казался каким-то особым «героем» — это мы так его представляли нашему народу. С вокзала поехали прямо в Залесье на охоту. Хрущев, узнав, что я приболел, категорически запротестовал, чтобы я был на охоте, оставил меня на «хозяйстве», но и тут хватало дел.

Настроение у Н. С. Хрущева хорошее, и он был в отличной форме. Охота удалась, как говорят, на славу. Хрущев убил двух больших кабанов, двух козлов, четырех зайцев. Кастро убил оленя, двух козлов, кабана. У Подгорного тоже были хорошие «трофеи». В лесу у хорошего костра пообедали. После этого еще сделали пару «загонов», добыча тоже была немалая. На второй день в 21.00 Кастро с Подгорным улетели в Архангельск. Я возвратился с аэродрома, проводил Н. С. Хрущева в Киев в его резиденцию.

25 января вечером с Н. С. Хрущевым выехал на охоту в Залесье. Охота была на кабанов с вышек, и очень удачная. После охоты был длительный интересный деловой разговор по многим вопросам. В частности, о застройке хорошими домами новостроек Киева — Сырца и других районов, о постановке на производство хорошей автомашины «Запорожец». Я тут же доложил, что уже создана и изготовлена новая модель «Запорожца» и просил его разрешения послать в Москву автомашину для ее показа членам Президиума. Он на это дал согласие.

Во время нашего разговора из Москвы Хрущеву позвонил Брежнев, во время разговора я хотел покинуть комнату, но Хрущев знаком показал, чтобы я остался. Брежнев говорил о каких-то делах, затем сказал, что из Днепропетровска и Киева поступают жалобы на низкое качество хлеба. Чувствовалось, что это Хрущева обозлило, и он раздраженно Брежневу сказал: «Что вы все мне докладываете? Надо кое-что и вам самим научиться делать!» После переговоров с Брежневым Хрущев мне сказал: «Вот видите, какие "помощники". На язык больно острые, а на дело не хватает способностей и ума». Я, конечно, промолчал.

Вечером 28 января позвонил мне Н. С. Хрущев и пригласил приехать к нему в резиденцию в Валки. По приезде я доложил Хрущеву, что делается в республике и какие ужасные погодные условия, которые отрицательно влияют на нормальный ход всех дел. Хрущев все внимательно выслушал и полушутя сказал: «Не жалуйтесь, ибо я в этом вам ничем помочь не могу, а то, что принимаете меры, несите сами за них ответственность. Давайте лучше послушаем записи на пластинках и магнитофонные новых

вариантов Гимна Советского Союза». Долго и много слушали эти записи, но, оказывается, ни один из них не подходит. Нет должной мелодии, эмоционального подъема, не говоря уже о словах и музыке¹³. Потом долго сидели, разговаривали по многим вопросам экономики, техники, политики. Я заметил, что у Хрущева много задумано интересных вопросов, а энергии просто море. Но он жаловался, что ему трудно работать, много вокруг него краснобаев, догматиков и рутинеров. Беседа была какой-то откровенной, не говоря уже о ее глубоком и интересном содержании.

30 января Н. С. Хрущев пригласил меня к себе в Валки на 13.30. Поговорили о делах в республике. Он сам любил много рассказывать интересных политических событий, связанных с его работой при И. В. Сталине, о «разгроме» антипартийной группы, об аресте Берии и многом другом. Хрущев пригласил меня пообедать с ним, а затем мы поехали осматривать строительство Киевской ГЭС.

31 января в 8 часов утра Н. С. Хрущев поездом уехал в Москву. Сразу же по возвращении с вокзала я позвонил в Москву Подгорному и Брежневу, они меня очень просили сообщить им, когда из Киева выедет Хрущев. Я сказал, какие были задания, замечания и какое у него настроение — последнее их больше всего интересовало. При этом Брежнев спросил меня: «А Никита Сергеевич обо мне ничего больше не говорил?» Я ответил, что мне ничего не известно, что мог говорить или думать о нем Хрущев.

Во время пребывания Хрущева в Киеве на его имя поступило очень много писем и заявлений, главным образом по квартирам, помилованиям, снятию судимости, неправильным увольнениям с работы, о плохом снабжении. Со всеми этими вопросами было поручено на месте разобраться, принять меры и доложить в ЦК КПСС.

Февраль 1964 года. Из Москвы позвонил Шуйский Г. Т., первый помощник Н. С. Хрущева, и сообщил мне, какие приняты меры по нашим запискам, посланным в ЦК КПСС. <...> Наша информация о технико-экономическом расчете производства стали конверторным способом очень заинтересовала Н. С. Хрущева, и он дал поручение представить предложение. Моя записка в ЦК КПСС о развитии и значении технического прогресса для народного хозяйства страны разослана членам Президиума ЦК КПСС. Я поблагодарил Шуйского за приятные сообщения. Все это окрыляло в работе.

(Февраль 1964 г. — *Сост.*) Проездом через Киев Живков следует в Москву на переговоры с Н. С. Хрущевым¹⁴. Мне пришлось его

встречать и провожать на вокзале. Настроение у Живкова внешне неплохое, даже игривое, но все же он чем-то встревожен. Может быть, это результат его прежних переговоров с Хрущевым, когда он ставил перед ним вопрос, чтобы Болгарию сделать союзной республикой Советского Союза¹⁵, за что его Хрущев хорошенько отчитал, при этом сказав: «Вы хотите стать нашими нахлебниками? Мы сами пока что еле сводим концы с концами, да и что ваш народ о вас подумает?» Эти слова я сам слышал от Хрущева, при этом он сказал: «Не серьезный человек». И вот у Живкова после такого мнения Хрущева о нем снова предстоит встреча с Хрущевым. Можно понять тревогу Живкова.

В связи со 150-летием со дня рождения Т. Г. Шевченко юбилейный Шевченковский комитет, Корнейчук, Скаба, внесли предложение присудить звание лауреата Шевченковской премии Н. С. Хрущеву¹⁶ <...>

1–10 марта 1964 года. Имел разговор с Н. С. Хрущевым. Он находился на отдыхе в Пицунде, я доложил ему о партийном активе по сельскому хозяйству. На нем присутствовало около 10 тысяч человек, проводили его во Дворце спорта. Сам актив прошел хорошо, много было интересных выступлений, критических замечаний и предложений.

Особо доложил, и это было по просьбе Брежнева, о работе металлургического завода имени Дзержинского в Днепродзержинске, о его технико-экономических показателях. На заводе работает около 25 тысяч человек, в год он производит более 4 миллионов тонн чугуна, 4,5 миллиона тонн стали, 3,5 миллиона тонн проката. Это составляет 12% годового производства всей металлургии страны. У завода, его рабочего класса большие революционные заслуги, заводу исполняется 75 лет, я просил Хрущева разрешить представить завод к награждению орденом Ленина. Н. С. Хрущев все мои предложения выслушал внимательно — помолчал несколько времени, а затем задал мне вопрос по Дзержинке: «Это вас попросил Брежнев со мной переговорить?» Я ушел от прямого ответа и сказал, что мы этот вопрос ставим самостоятельно. Хрущев мне сказал, что на этом заводе когда-то работал Брежнев, и он всячески добивается, чтобы этот завод был награжден, видно, он где-то пообещал, от него это можно ожидать. Тут же Хрущев дал согласие на награждение завода, но сказал, чтобы представление дали к концу года, когда будет закончено годовое производство¹⁷.

Я сообщил Н. С. Хрущеву, что Шевченковский комитет принял решение о присвоении ему звания лауреата Шевченковской пре-

мии с вручением медали и грамоты за огромную работу по пропаганде шевченковского наследия, за большой вклад в утверждение и развитие национальной украинской культуры. Члены комитета, Бажан, Корнейчук, Рыльский, просили меня сообщить об этом и получить согласие на то, чтобы 9 марта об этом сообщить в печати, центральной и республиканской. Н. С. Хрущев подумал немного, затем сказал: «По этому вопросу вы позвоните мне немного позже». Доложил ему предложение, чтобы Черкасскую область переименовать в Шевченковскую, он эту идею отклонил с ходу, при этом сказал, что довольно того, что мы переименовали Станиславскую область в Ивано-Франковскую¹⁸, а теперь не успевает отписываться перед народом, все это в народе воспринимается не здорово, не так, как кое-кому кажется.

Из Москвы позвонил мне Брежнев Л. И., интересовался, что нового. <...>

Брежнев спросил меня, был ли у меня разговор с Н. С. Хрущевым по вопросу награждения завода имени Дзержинского, я ответил, что разговор был, и что он дал согласие на награждение, но в конце года. Сообщил, что обстоятельный разговор был по делам республики. Разговор был о том, чтобы он дал согласие опубликовать в центральной печати сообщение о присвоении ему звания лауреата Шевченковской премии, при этом как-то нервозно Брежнев меня спросил, дал ли Хрущев согласие? Я ответил, что просил по этому вопросу позвонить ему позже. Брежнев поинтересовался: а о нем, Брежневе, не было никакого разговора и ни в какой форме? Я ответил, что Хрущев спросил меня о Дзержинке, других же вопросов не было. Я стал замечать, что каждый раз Брежнев как-то ревностно-тревожно относится к моим встречам с Хрущевым, что он «смертельно-панически» боится Хрущева. Это уже становилось почти подтвержденным фактом.

28 марта выехал в Москву. Завтра в 20.00 с Киевского вокзала специальным поездом партийно-правительственная делегация, возглавляемая Н. С. Хрущевым, отбывает в Венгрию. Делегация в Венгрии пробыла 10 дней. <...>

На одном из митингов на заводе выступал рабочий и обратился к Хрущеву с просьбой оказать помощь в получении металла и каких-то электромоторов. Хрущев, как всегда, на эти вопросы реагировал быстро и, очевидно, чтобы разрядить обстановку, тут же в реплике сказал: «Вот тут в нашей делегации присутствует товарищ Шелест, секретарь ЦК КПУ, очевидно, от него к вам не поступает металл и электромоторы. Так вот, давайте ему скажем, что же он венгерский гуляш кушает, а моторов не поставляет. Так

вот, не будет металла и моторов, не дадим ему гуляша». Все это было сказано в шутку, с его добродушной улыбкой, он даже в это время подозвал меня к себе, и вся масса народа обратила на меня внимание, все приняли как шутку и расхохотались. Я ответил: «Никита Сергеевич, разберемся и примем меры». Он снова подал реплику: «Разбирайся, мол, иначе не получишь гуляша» — это снова вызвало оживление. Все речи на этом митинге, в том числе и эти реплики, шутки и смех, были помещены в центральных газетах. Некоторые товарищи тогда из центра хотели все это истолковать как оскорбление мне. Даже венгры как-то растерялись и отнеслись ко мне «сочувственно». Хрущев же мне сам сказал: «Тов. Шелест, вы не обижайтесь, то была шутка для разрядки создавшегося положения».

В искренность его слов я верил, потому что мы с ним вдвоем почти каждый вечер прогуливались по территории нашей резиденции, и он очень много высказывал доверительных вопросов по поводу работников ЦК, в том числе говорил о Подгорном, но не плохо. Нелестно отзывался о Брежневе и совсем убийственно — о Суслове. Я, конечно, все слушал и молчал. Сам Хрущев был несколько при этом возбужден — как-то вечером мы прогуливались, и, естественно, за ним шел его личный охранник, он приблизился к нам, в это время Хрущев просто рассвирепел и сказал: «А вам что нужно, что вы подслушиваете, шпионите за мной? Занимайтесь своим делом!»

Я как-то растерялся, но все же нашелся сказать: «Никита Сергеевич, он ведь находится на службе». Он сказал: «Если он на службе, пусть и несет свою службу, а не подслушивает. Знаем мы их». На этом разговор был закончен. Охранник удалился на почтительное расстояние, мы еще долго вели беседу с Хрущевым на разные темы.

11 апреля 1964 года делегация возвратилась в Москву. В ЦК КПСС я имел встречу и обстоятельную беседу с Н. В. Подгорным по многим вопросам. Он расспрашивал меня о поездке в Венгрию и какие были беседы у меня с Н. С. Хрущевым, я ничего не утаил от него. Подгорный вспомнил о «венгерском гуляше» и хотел выразить свое «возмущение», я ушел от этого вопроса как не имеющего существенного значения. У Подгорного спросил совета, что нам делать с предстоящим юбилеем — 70-летием Н. С. Хрущева.

15 апреля выехал в Москву на празднование юбилея Хрущева. На следующий день встретился в ЦК КПСС с Подгорным, Брежневым, Кириленко, показал им наши подарки и сувениры

для Н. С. Хрущева. Сувениры понравились, но чувствовалось, что они чем-то недовольны, хотя сами же были инициаторами и организаторами большого «шума» с юбилеем. Тут же было проронено несколько слов: «Да уже почти старик, 70 лет, пора бы ему и на отдых, надо его нам беречь». Позже только стало ясно, что это была своеобразная игра и «прощупывание» настроения.

17 апреля 1964 года 70 лет Н. С. Хрущеву. Утром собрались все члены и кандидаты Президиума ЦК КПСС и поехали в особняк на Ленинские горы, где жил Хрущев. Некоторые из членов Президиума вели себя довольно нервозно, трепетно-боязливо. Это относилось в первую очередь к Сулову и Брежневу. Все тепло поздравили Н. С. Хрущева в домашних условиях, он был бодр, свеж, в хорошем настроении. Выпили по рюмке коньяка, немного поговорили и тут же торопливо ушли под предлогом, что не надо «утомлять» Никиту Сергеевича. Инициатором этой торопливости был Брежнев, его поддерживал Подгорный, хотя и чувствовалось по настроению Хрущева, что он не хотел и не ожидал такого поспешного удаления.

За границей буржуазная пропаганда и пресса по вопросу проведенного юбилея подняла много шума, даже злобствования. Его называют тираном. «Таймс» «предвещает» ему скорый закат политической карьеры и смерть и что это будет общим чувством облегчения. Все это ему буржуазная пропаганда «мстит» за его непримиримость и принципиальность в вопросах классовой политики. Что касается его здоровья, то он бодр, здоров и оптимистически настроен.

3 июля мне сообщили товарищи, которые меня обслуживали, что ко мне на дачу собирается приехать Л. И. Брежнев. Откровенно говоря, меня это несколько озадачило. С Брежневым я не так был близок, чтобы он просто так приехал, без особой надобности. <...>

Брежнев предложил мне пройтись и поговорить, чтобы никто нам не мог мешать. Я предложил пройтись на пирс выкупаться и там в беседке спокойно поговорить. Предложение было принято, но о чем будет идти разговор я понятия не имел. Брежнев начал расспрашивать меня, как мне работается, много ли трудностей, как поддерживают меня члены ЦК КПУ и в целом, партийный актив? Я ответил, что объем работы огромный, работаю на этой работе сравнительно немного, и, естественно, есть трудности, недочеты, недоработки и даже возможные упущения. Что касается поддержки членов ЦК и партийного актива, то я чувствую, что имеется определенный деловой контакт и хорошая поддержка. Жаловаться нельзя, надо больше контактировать, прислушиваться, принци-

пиально относиться к решению вопросов, тогда меньше останется времени рассуждать, кто и как к кому относится. Такой мой ответ, я почувствовал, насторожил Брежнева, и он разговор повернул по другому руслу о работе промышленности и сельского хозяйства. Через некоторое время он якобы между прочим, невзначай задал мне вопрос: «А как к тебе относится Н. С. Хрущев?» Я ответил, что сколько с ним ни встречался, всегда вел разговор откровенно, он всегда выслушивал, давал советы. Если с чем не соглашался, то он спокойно растолковывал мою ошибку, доказывал свою правоту. В заключение я сказал, что мне кажется, что Н. С. Хрущев ко мне относится спокойно, как руководитель к младшему. С его стороны я никогда в свой адрес не слышал ни окрика, ни грубого обращения. При этом Брежнев как-то не совсем внятно проронил слова: «Это он в глаза, а за глаза может другое говорить и говорит».

Я как-то немного растерялся, подумал, может быть Брежнев кое-что знает об «истинных» отношениях ко мне Н. С. Хрущева. Но тут же ему ответил, что Хрущев занимает такое положение, что ему нет надобности говорить одно в глаза, а другое за глаза. Да и вообще, у него такая ответственность и нагрузка, что мы должны его понимать, если он даже кое-что скажет резкое. Но он не злопамятный по своей натуре, добрый и отзывчивый человек. Брежнев при этом сказал, что я мало о нем знаю, замкнулся здесь в своей «провинции» и ничего не вижу и не чувствую. Я ответил, что кому положено, тот то и делает. «Это так, — ответил он, — но надо немного шире смотреть на происходящее. Все, что происходит в партии, стране, в хозяйстве исходит от нас, членов Президиума ЦК, решений правительства. И мы видим, что вы единодушны в принимаемых решениях и все поддерживаете предложения Хрущева и первыми аплодируете ему. Мы с «мест» тоже все «вторим». Далеко не все так, как внешне кажется. Нам с Хрущевым трудно работается. Об этом я и приехал с тобой, Петро, поговорить откровенно, но об этом никто не должен знать».

Время подошло к обеду, я пригласил Брежнева пообедать в кругу моей семьи. <...> Возобновился снова разговор, но уже более оживленный по понятной причине. Брежнев сказал тогда мне: «Ты, Петро, должен нам помочь, поддержать нас!» Я ответил: «Не знаю, в чем вас и кого поддерживать? Расскажите, в чем суть постановки вопроса? Тогда, может быть, можно что-то сказать». Брежнев снова сказал, что я ничего не знаю, но так работать, как мы, мол, работаем, невозможно. «Н. С. Хрущев с нами не считается, грубит, дает нам прозвища и приклеивает разные ярлыки, самостоятельно принимает решения. Он недавно заявил, что руководство наше старое и его надо омолодить. Он подбирает

”ключи”, чтобы нас всех разогнать». Тут я ему сказал: «Не знаю о прозвищах, ярлыках и как там у вас принимаются решения, но я сам из уст Хрущева слышал, что действительно в Президиуме ЦК собрались старики и надо бы состав значительно омолодить». При этом, обращаясь ко мне, Брежнев сказал: «Я думаю, что в центральные руководящие органы надо брать людей в возрасте самое большее 45–50 лет. А на нацкомпартии, обкомы и крайкомы и того моложе. А вы как думаете?» — обратился он ко мне. Я ответил, что с ним Никита Сергеевич согласен, но со счетов опыт старших товарищей сбрасывать нельзя. Он полшутя обратился ко мне: «А вам сколько лет?» Я ответил, что пошел уже 55-й год, он шутя сказал, что я тоже уже «старик». Я продолжал, что Хрущев беспокоится об омоложении руководящего ядра — это хорошо, должна быть преемственность.

Тут Брежнев мне сказал, что я его по этому вопросу неправильно понял. А потом, мол, надо понимать, что он только прикрывается омоложением кадров, а на самом деле хочет разогнать опытные кадры, чтобы вершить самостоятельно все дела. Брежнев снова начал говорить, что я его не хочу понять и что о его приезде, тем более о разговоре, в такой постановке вопросов никто не знает и не должен знать. Я ему ответил: «Если вы мне не доверяете, то нечего было вам ко мне ехать и вести разговор, а о конфиденциальности прошу мне лишний раз не напоминать». Тут Брежнев, очевидно, спохватился и сказал: «Ты, Петро, правильно меня пойми, мне тяжело все это говорить, но другого выхода у ”нас” нет». Тут же он снова сказал, что Хрущев над многими из нас просто издевается — нет никакой жизни. Тут же как мальчишка расплакался и сказал: «Без тебя, такой крупной организации, как Компартия Украины мы не можем предпринять что-либо улучшающее наше положение». Я сказал Брежневу, что им всем надо собраться и откровенно и открыто поговорить с Н. С. Хрущевым о недостатках, и мне кажется, что с Никитой Сергеевичем можно вести такой разговор, он может понять.

Тут Брежнев ответил: «Ты это так говоришь потому, что не знаешь истинного положения дел. Если мы попытаемся это сделать, он нас всех поразгоняет, и в это верить нельзя».

4 июля. Дождавшись утра, я позвонил в Мухолатку Подгорному и сказал ему, что у меня вчера был Брежнев, мы много говорили, но он просил никому о его приезде и разговорах не говорить. Подгорный сказал, что ему известно, что Брежнев был у меня, и примерное содержание наших разговоров тоже известно. Затем спросил, чем я занят, я ответил, что «переживанием» вчерашних или уже

сегодняшних разговоров и встречи. Подгорный мне сказал: «Если сможешь, подъезжай ко мне, будем вместе «переживать». <...>

Пришел Брежнев, как всегда, несколько «ретивый», игривый, немного навеселе. Как ни в чем не бывало, зашел новый разговор обо всем и понемногу. Наконец Брежнев начал старый разговор о трудностях работы с Хрущевым. Я снова начал уточнять эти «трудности». Оказалось, что Хрущев очень требовательный, проводит самостоятельную линию, независимо решает вопросы, много разъезжает по стране и за границу. Сельское хозяйство превратил в свою монополию, много проводит разных «реорганизаций» в народном хозяйстве, в партии и советских органах. Разделил их на городские и сельские. Явно пренебрегает вопросами идеологии, требует конкретной работы, а не «болтовни», как он говорит.

Во внешней политике и взаимоотношениях с соцстранами и их компартиями допускает большие промахи, что отрицательно отражается на авторитете нашей партии и страны. Заигрывает с социал-демократами и капиталистическими странами Западной Европы. Не обошел вопроса об испорченных взаимоотношениях с Китаем, карибского кризиса, посылки Аджубея в Бонн¹⁹ и поездки в Скандинавские страны. И еще много разных «прегрешений» и недостатков. И все же при всем этом главный вопрос был тот, что он их не слушает и хочет со всеми разделаться поодиночке.

В разговоре я сказал, что все, что делалось, очевидно принималось на Президиуме, и, как видно из документов и действий, все мероприятия внутривластного и внешнеполитического характера всеми поддерживались. Если есть какие отклонения от принятых решений и они имеют принципиальное значение, соберитесь все вместе, обсудите, выскажите свое мнение Хрущеву, исправьте положение.

Тут Брежнев не выдержал, почти выкрикнул: «Я уже тебе говорил, что в откровенный разговор я не верю, кто первый об этом заговорит, тот будет вышвырнут вон из состава руководства». Я довольно многозначительно посмотрел на Брежнева, а затем на Подгорного — очевидно, это было правильно понято, и тут, наконец, напряжение было снято словами Подгорного: «Довольно нам играть в жмурки, я знаю ваш разговор с Брежневым, и ты, Петро, правильно пойми все, что делается. Очевидно, надо идти по большому счету. Возможно, чтобы решить вопрос, о котором ты говоришь, надо выходить на Пленум ЦК, а без мнения Украины и членов ЦК КПСС, которые от Украины избраны, вопрос решить невозможно, ведь всем известно, что украинская партийная организация имеет большой вес и авторитет, да это и основная опора Н. С. Хрущева. Поэтому тебе надо быть готовым повести

откровенный, но осторожный разговор со всеми твоими товарищами, входящими в состав ЦК КПСС, а их на Украине немало — 36 человек. Возможно, поговорить надо с доверительным активом по всем вопросам, которые мы тебе изложили». Я ответил, что ж, ради справедливого дела поговорить можно, хотя это и очень рискованный и опасный прием. Тут же я сказал, что имеются три человека, с которыми я не могу повести никакого разговора, Это И. Ленин, О. Иващенко, А. Корнейчук. Эти люди прямо и даже в частном порядке могут сейчас же все передать Н. С. Хрущеву, от этого, я думаю, не будет хорошо никому.

Тут же Брежнев заявил, что он может сам «переговорить» с О. Иващенко, хвастаясь, что он с «ихним братом умеет вести беседы». На такое заявление Подгорный сказал: «Леня, ты не бери на себя много, посмотрим, как ты с треском провалишься». О многом еще мы говорили, и я снова пытался внушить мысль, что с Н. С. Хрущевым надо откровенно поговорить, но они не верили в «откровенность», просто боялись этого. Кое-что мне было известно, что Брежнев до смерти боится Хрущева, тот, в свою очередь, не уважает Брежнева, считает пустозвоном, рисовальщиком, да и немалым льстецом, причем довольно «квалифицированным». Пусть будет так, но Подгорного он уважает, доверяет ему, считает его доверенным лицом. Что же здесь? Неужели Подгорный попал под влияние Брежнева? Этого не может быть ни по уму, ни по опыту и подготовке. Остается догадка: неужели у Подгорного осталась обида за то, что Хрущев забрал его с Украины? Все может быть.

(Сентябрь 1964 г. — *Сост.*) Это был канун — «лебединая песня» Хрущева. Для него не наступила физическая смерть, но политическая была близка, и ее организовал Брежнев. Хрущев хотя и что-то чувствовал, но не знал, что это было его последнее выступление как политического руководителя. Вопрос был, по существу, предрешен. И все это происходило в политических интригах, тайно, за его спиной. <...> Нельзя сказать, что Н. С. Хрущев не пользовался определенным авторитетом и уважением, популярностью среди партийных масс и народа. Утверждать противное, значит погрешить против истины и истории. Речи Хрущева кончались тоже «бурными аплодисментами и вставанием», и нельзя сказать, чтобы это ему не льстило.

Так было и накануне заседания Президиума ЦК КПСС, которое состоялось 26 сентября 1964 года. Это был субботний день. В Свердловском зале Кремля расширенное заседание, присутствуют члены Президиума ЦК тт. Хрущев, Подгорный, Косыгин, Воронов, Суслов, Брежнев, Полянский, Кириленко, Шверник.

Присутствовало много людей разных рангов и чинов. Открыл заседание Н. С. Хрущев. Основной вопрос — «О пятилетнем плане народного хозяйства страны на 1965–1970 гг.»²⁰.

Немало из присутствующих членов ЦК уже знали о подготовке «мероприятий», направленных против Н. С. Хрущева. Но пока что никто точно не знал ни сроков, ни самой формы исполнения «задуманного дела». Даже сами «организаторы» находились в какой-то прострации, неуверенности и неопределенности. После расширенного заседания Президиума ЦК все члены и кандидаты Президиума ЦК собрались в комнате Президиума в Кремле за Свердловским залом заседания. Как обычно, началось обсуждение прошедших событий. Хрущев обратился ко всем и спросил: «Ну как, товарищи, ваше мнение о проведенном мероприятии и моем выступлении?» С удивительным утонченным лицемерием многие заявили, что все хорошо, просто отлично! И, к моему удивлению, больше всех хвалебные речи расточал Брежнев. Больно и обидно было все это слушать, просто становилось страшно, какая гнусная «вещь» лицемерие, и не хватило ни у кого мужества сказать правду. Позже некоторые, в том числе и Брежнев, объясняли такое гнусное поведение «тактическим приемом», чтобы, мол, не навлечь подозрений и не вызвать тревогу у Хрущева.

В открытом споре, даже в борьбе единомышленников это подлый, недостойный прием. Как впоследствии окажется, это основной «стиль» Брежнева для расчистки себе дороги к власти — заигрывание, интриги, убрать с «дороги» людей, которые многое знают о нем, помогали ему на определенном периоде, и хуже всего — имеют свое собственное мнение.

Хрущев высказал соображение о созыве очередного Пленума ЦК, дал некоторые поручения. Сам он собирался уехать в отпуск. Поручено было вести все дела по Президиуму и Секретариату Н. В. Подгорному.

В это время в ЦК была создана группа Шелепина и Полянского, которая готовила материал для предстоящего Пленума ЦК, но Хрущеву не было известно, что материал готовится не по его заданию и против него. Он же, Хрущев, в разговорах утверждал, что доклад к Пленуму в своей основе готов и что во время отпуска он его посмотрит, а где-то в ноябре проведем Пленум ЦК. По всему было заметно, что он не знал истинного положения, что ему готовится. Внешне держался спокойно. Вся «игра» вокруг него, безусловно, не была известна, хотя временами и чувствовалась какая-то настороженность в его обращении.

Он во многом полагался и надеялся на Украину, на ее поддержку его деятельности, доверял он товарищам, с которыми работал

в Президиуме ЦК КПСС. Во всей «затее и политической игре» отводилась огромная роль Украине. Это понимали и товарищи, которые готовили материал к Пленуму, вот почему контакты по всем вопросам и информации были регулярными.

Все мы, кто знал и был посвящен в некоторые подробности подготовки «дела», ходили по острию лезвия. Хотя многие вопросы и были уже «блокированы», но опасность была громадная. Н. С. Хрущев был первым секретарем ЦК КПСС, Председателем Совмина СССР. В наших условиях это не ограниченная ничем власть, и, по существу, свобода действий. Его команда, одно слово — и многие из нас были бы «обезврежены», изолированы и даже уничтожены, ведь велся по существу и форме заговор против главы правительства, а чем это кончается, хорошо известно. Но, несмотря на наличие сигналов и даже явных фактов «политической интриги и прямого заговора», на сей раз Хрущев проявил излишнюю доверчивость, притупил бдительность и остроту. Он очень верил в свой авторитет, доверился всякой лести и признаниям в верности ему.

<...> 29 сентября вечером мне позвонил в Черкассы Н. В. Подгорный и сказал, что я должен срочно вылететь в Крым, чтобы встретить Хрущева, который отправляется туда отдыхать. Просил после встречи и разговоров с ним позвонить ему или Брежневу в Москву. Срочно, прямо из Черкасс я вылетел в Симферополь для встречи с Хрущевым.

1 октября в Симферопольском порту встретил Н. С. Хрущева. Он прилетел на отдых. При встрече на аэродроме он полушутя сказал, вернее, спросил меня: «А вы почему здесь? Я-то на отдыхе, а вы должны работать». Я ответил: «Моя обязанность вас, Никита Сергеевич, встретить. Ведь вы прибыли на территорию республики, и, может быть, у вас возникнут какие-то вопросы ко мне, и я понадоблюсь вам». Он ответил: «Вопросов, пожалуй, не будет, но вы понадобитесь». Он пригласил меня к себе в машину, и мы поехали к нему на дачу. По дороге задавал некоторые вопросы, касающиеся республики. По приезде на дачу пригласил меня с ним пообедать. За обедом был разговор на разные темы, много говорил и проявлял заботу о сельском хозяйстве, о работе промышленности, о культурно-бытовых условиях народа.

Крепко ругал работников идеологического фронта, называл их «начетчиками, оторванными от реальности и жизни». Здесь он не преминул сказать довольно нелестные слова и высказывания в адрес Суслова, назвав его «человеком в футляре».

Чувствовалось, что у Хрущева была большая потребность высказаться, а может быть, найти какую-то поддержку, по крайней мере сочувствие. «Я не могу сидеть, как другие, не находя себе работы», — сказал он. При этом назвал фамилии Микояна и других «краснобаев и кривляк», упомянул и фамилию Брежнева. О Подгорном сказал, что забрал его в Москву как хорошего подготовленного работника, но пока особой отдачи от него не видит, «ожидал большего». Продолжая разговор, он сказал: «Президиум наш — это общество стариков. Надо что-то думать. В его составе много людей, которые любят поговорить, но работать — нет». Тут он снова очень нелестно отозвался о Л. И. Брежневе, назвав его «пустым человеком». Хрущев вел много разговоров о предстоящем Пленуме ЦК КПСС, заявляя при этом: «Вот соберем Пленум, там поставим каждого на свое место, укажем, как кому и где надо работать».

(Брежнев, очевидно, предчувствовал, что если допустить вопрос до Пленума, то ему первому «укажут место». Поэтому он смертельно боялся предстоящего Пленума, и у него было только два выхода: форсировать «дело» с Хрущевым или же отдать все ему. Последнего мы больше всего опасались, и по этой причине всячески настаивали на скорейшей развязке «дела»).

Говорил о том, что ему с этим составом Президиума нелегко работать. «Во-первых, — говорил он, — его надо значительно омолодить и обновить. Вот и мне уже перевалило за 70 лет, далеко не та бодрость и энергия, надо думать о достойной замене. Вот почему я стою за то, чтобы на руководящую работу выдвигать молодых, подготовленных людей 40–45 лет. Надо готовить смену, ведь мы невечные, пройдет года два и многим из нас надо уходить на покой. К сожалению, в составе Президиума имеются люди, которые много и довольно охотно говорят, но работать не очень любят, больше занимаются пустозвонством».

Хрущев высказывал большую озабоченность о сложностях во внешней политике, о взаимоотношениях с социалистическими странами, в особенности с Китаем. Он каждый раз в разговоре подчеркивал, что на все происходящее надо смотреть реально, и что нам еще предстоит острая классовая борьба, и что все разговоры о мире, мирном сосуществовании и разоружении — это только форма нашей работы, чтобы не допустить войны, но если мы будем слабы, то нас «сотрут в порошок». «Дураку должно быть ясно, — говорил он, — что империализм своих позиций без боя не сдаст. Вот почему приходится тратить немалые средства на создание новой военной техники, на оснащение новейшим оружием нашей армии. Всякая дипломатия хороша и имеет какой-то успех, когда она подкрепляется экономической и военной мощью».

Перед отъездом с дачи Хрущев предложил мне, если у меня есть желание, завтра поехать в горы на охоту. При этом сказал: «Я поеду раньше, я ведь в отпуске, а вы подъезжайте к обеду».

2 октября. Когда я приехал на место охоты, то застал Н. С. Хрущева за пристрелкой ружей и карабина. Настроение у него было хорошее. Он много шутил и подсмеивался над моей стрельбой, он действительно очень хороший и даже отличный стрелок. После обеда уехали на охоту, он на муфлонов, а я на кабанов. Условились, что завтра поедом охотиться на фазанов. Когда я возвратился около 22.00 на базу с трофеем — убил кабана, то Хрущева уже не было. Мне сказали, что охота у него была удачная, он убил двух муфлонов и сразу же, где-то в 20.00, уехал в Белогорск на место фазаньей охоты. При этом передал, что, если у меня есть желание, я могу туда приехать завтра. При всей сложившейся ситуации по «делу» у меня могли закрасться любые догадки, домыслы, предположения. Откровенно говоря, я немало переволновался. И все же ночью поехал на место предстоящей охоты. В пути, а он длился почти три часа, я многое передумал. Остаток ночи почти не спал.

Утром 3 октября за мной пришли, пригласили к Н. С. Хрущеву завтракать. После завтрака пошли на фазанью охоту, она была удачной. За обедом вдруг Хрущев заявил, что погода в Крыму портится, да и тут никого нет, скука. В Пицунде отдыхает Микоян, он решил завтра туда лететь. Я пытался уговорить его остаться в Крыму. Но он решительно все отклонил и распорядился наутро назначить вылет на Кавказ. За ужином у нас был тоже разговор на те же темы.

4 октября. Утром я проводил Хрущева в Пицунду. По возвращении в Киев я имел разговор с Подгорным и Брежневым, доложил им о моем разговоре с Н. С. Хрущевым, о его высказываниях и настроениях. Сообщил им, что Хрущев улетел в Пицунду. У меня после встречи и длительных разговоров с Хрущевым остался очень тяжелый осадок в том отношении, правильно ли мы делаем, что затеваем «дело». Ведь это же прямой политический заговор! Он переплетен с интригами и явными замыслами борьбы за власть. Но все это так далеко зашло с этим «делом», теперь уже нет у меня возможности перестроить свои позиции.

<...> 12 октября я вылетел в Москву по сигналу Н. В. Подгорного. Улетая в Москву, я дал указания под разными предложениями пригласить в Киев всех членов, кандидатов и членов ревкомиссии

ЦК КПСС и задержать их на несколько дней в Киеве до особого указания. Все эти «организационные» меры осуществлялись через А. Н. Соболя, второго секретаря ЦК КПУ. Подобные меры были приняты и по другим республикам. Что же касается членов ЦК от РСФСР, то они, по существу, все были уже в Москве.

В Москве я имел длительную беседу с Подгорным, Брежневым, Кириленко, Шелепиным и другими товарищами. <...>

Обсуждали, какие вопросы поставить на Президиуме в присутствии Хрущева, кому выступать первому — Подгорному или Брежневу. Выступать им первыми нельзя было. Это было бы воспринято как борьба за власть. «Наивная скромность», — оно-то фактически так и было! Ведь никаких идейных или организационных мотивов в подходе к свержению Хрущева не было, а подбострастие перед ним его окружения продолжалось до самого «рокового» октябрьского Пленума ЦК. До этого Хрущеву никто не сказал осуждающего слова, только одобрение и преклонение. У многих был страх за свое положение, и он вызывал скрытую неприязнь за организацию интриг вокруг Хрущева. Вот «принцип политиканства» в борьбе за власть.

12 октября почти весь день заседал Президиум ЦК КПСС без Хрущева. Там «вырабатывалась методика» проведения Президиума по прибытии и с участием Н. С. Хрущева. Заседание проходило в какой-то нервозности и страхе, а также в какой-то неуверенности. Наконец пришли к решению, что причиной для вызова Хрущева на заседание Президиума должно послужить то, что многие члены ЦК от РСФСР, Москвы, Ленинграда, Украины и Грузии задают много вопросов и требуют на них ответы по составлению 7– или 8-летнего плана. Много было вопросов по записке Н. С. Хрущева по реорганизации сельского хозяйства. Что по этим и другим вопросам, мол, требуется ваше присутствие, Никита Сергеевич, члены Президиума тоже такого мнения и считают ваш приезд крайне необходимым. Такова была «легенда». По существу же на этом Президиуме обсуждался вопрос о стиле работы Н. С. Хрущева, о мерах и методах устранения его от руководства. Раздавались робкие голоса, мол, возможно, надо разделить посты Первого секретаря ЦК КПСС и Предсовмина, оставив на посту Предсовмина Хрущева. Но, зная характер и приемы Хрущева, против этого предложения яро выступил Брежнев. <...>

Решено было, что на Президиуме первым в обсуждении вопроса должен выступать я — «все же голос периферии» — и сразу дать почувствовать, что Украина критикует существующие порядки и стоит за изменение стиля и методов руководства. Пришли также к единому мнению, что вечером 12 октября надо звонить в Пицун-

ду Н. С. Хрущеву и приглашать, по существу, вызывать, требовать его приезда в Москву на заседание Президиума. По логике, звонить должен был Подгорный, так как он фактически исполнял все обязанности по ЦК. Но после некоторого обсуждения и выступления Подгорного, в котором чувствовалось его нежелание звонить (а доводы были такие, что накануне Хрущев разговаривал с Подгорным и никаких подобных вопросов не возникало, поэтому звонок Подгорного будет «нелогичным» и может вызвать некоторое подозрение), было «решено», что звонить должен Брежнев.

Где-то около 21 часа Брежнев звонит Хрущеву. Мы все находимся тут же, в комнате заседания Президиума ЦК КПСС. При нас состоялся разговор. Брежнев волновался, терялся, и некоторые вопросы приходилось подсказывать. Чувствовалось, что Хрущев с Брежневым разговаривал строго. Последний при разговоре побледнел, губы посинели и говорил с какой-то дрожью в голосе. Все же Брежнев кое-как провел разговор, изложил суть дела и высказал просьбу что желательно, чтобы Н. С. Хрущев прибыло в Москву 13 октября. Брежнев нам передал, что Хрущев сказал: «Что у вас там случилось? Не можете и дня обойтись без меня? Хорошо, я подумаю. Здесь Микоян, я с ним посоветуюсь. Позвоните мне позже».

На этом первый разговор и закончился. Чувствовалось какое-то замешательство и возбуждение.

Спустя час Брежнев снова позвонил Хрущеву. Никита Сергеевич сказал с некоторым раздражением: «Хорошо, я завтра в 11.00 вылетаю в Москву вместе с Анастасом Ивановичем».

Н. С. Хрущев любил рассказывать во всех подробностях и тонкостях дела, как он организовывал борьбу с «антипартийной» группой, как арестовывал Берию. Многие методы, приемы и «тактика», известные из рассказов Хрущева, были применены нами при подготовке «мероприятий» по смещению самого Н. С. Хрущева.

<...>

13 октября в Москву прибыли все члены ЦК КПСС. Члены ЦК от Украины тоже по «команде» из Киева выехали в Москву и разместились все в гостинице «Москва».

Хрущев прямо с аэродрома прибыл в свой кабинет в Кремле. Не успел он оглядеться, как вся его охрана была заменена. Тут «четко» сработал В. Е. Семичастный. <...>

В 3 часа дня в кремлевском зале заседания Президиума ЦК мы были в полном сборе — все члены Президиума, кандидаты и секретари ЦК КПСС. Ждали прибытия Н. С. Хрущева и А. И. Ми-

кояна. И ждали не без волнения, а с большим напряжением, ведь мы сидели в помещении, оторванные от внешнего мира, не зная о том, что делается вокруг нас. И полагались на информацию, поступающую от Семичастного и Шелепина. Они «обеспечивали» все, и мы в эти часы находились в их руках и их власти.

Наконец наступила долгожданная минута, когда в зал заседания вошли Н. С. Хрущев и А. И. Микоян. Все притихли. Хрущев поздоровался и спросил: «Ну что здесь случилось? Кто будет вести Президиум?» Так как место председательствующего занято не было, Хрущев занял его и открыл заседание. Нами так и было предусмотрено, что председательствовать будет Хрущев, это, мол, признак еще одного проявления «демократической воли Президиума», хотя уже все заранее было распределено и известно, и все это было одной из деталей «расписанного сценария».

Заняв председательское место, Н. С. Хрущев, ни к кому не обращаясь, спросил: «Кто же будет говорить, в чем суть вопроса?» Наступило, как говорится, гробовое молчание, хотя видно было, что и Хрущев напрягает все силы, чтобы не «сорваться» Выглядит он очень усталым, осунувшимся.

После некоторого молчания и замешательства слово «для информации» взял Л. И. Брежнев — так было условлено на Президиуме до приезда Хрущева. Уже тогда даже по этому можно было определить, что основная группа членов Президиума делает «ставку» на Брежнева в решении предстоящих организационных вопросов. <...>

Брежнев говорил, что в Президиуме нет коллегиальности. Многие решения принимаются непродуманно. Допускается оскорбление единомышленников по работе. Непомерно возрождается и растет культ личности Хрущева. Разделение обкомов партии на промышленные и сельские — это большая ошибка, в партии и народе это не поддерживается, неприемлемо. Последняя записка по управлению сельским хозяйством путаная. Здесь все запутано. Речь Брежнева было короткой, но правду надо сказать, содержательной, казалось аргументированной и убедительной. Но в его речи ничего не было сказано, а какова же во всех этих вопросах роль самого Президиума ЦК. Чувствовалось, что постановка всех этих «жгучих» вопросов в такой плоскости ставится впервые.

Взял слово Н. С. Хрущев. Он сказал: «Все здесь сказанное Брежневым, к моему огорчению, я, возможно, и не замечал, но мне никто никогда об этом и не говорил, а если это так, то надо бы было мне сказать, ведь я тоже просто человек. Кроме всего, вы ведь все меня во всем поддерживали, всегда говорили, что делается все правильно. Вас всех я принимал как единомыш-

ленников, а не противников или врагов. Вы ведь не можете сомневаться в моем честном и искреннем отношении ко всем вам. Что касается некоторых выдвинутых здесь вопросов, в том числе и разделения обкомов партии на промышленные и сельские, так ведь этот вопрос не один я решал, он обсуждался на Президиуме, а затем на Пленуме ЦК КПСС и был одобрен, в том числе и вами, здесь присутствующими. Каждое мое предложение было направлено к лучшему, а не к худшему, и каждое из них обсуждалось вместе с вами. Я предан нашей партии и народу, я, как и все, мог иметь какие-то недостатки. Так спрашивается: почему же о них мне раньше никто не сказал, разве это честно среди нас, единомышленников? Что касается допущенных грубостей к некоторым товарищам, то я приношу извинения». Вот содержание его первого выступления.

Настал самый тягостный момент, надо было начинать обсуждать вопрос. Как и было установлено, надо было мне выступать первому.

О своем переживании я никогда никому не говорил. <...> Выступать было страшно <...>. Знали мы, что политический резонанс будет сильный. Ведь все мы только вчера всячески поддерживали все мероприятия, принимали решения, одобряли все, доказывали их правильность. Всячески поддерживали авторитет Н. С. Хрущева, да и в партии и народе Хрущев пользовался большой популярностью. Я переживал и волновался за ответственность своего слова и действия.

Лично я уважал Н. С. Хрущева за его многие положительные качества, он никогда меня не ругал, не оскорблял, даже не повышал голоса. У меня с Хрущевым было много всевозможных встреч, и каждый раз разговор проходил в деловом, требовательном, иногда поучительном тоне, как это положено между старшим и младшим по работе. А известно, что уважение, как и слепая любовь: если и замечаешь какие-то недостатки, то им не придаешь особого значения.

Из всей обстановки становилось ясным, что если бы некоторые члены Президиума ЦК, набравшись мужества, своевременно и резко высказывали, что думают, Хрущеву, все могло сложиться по-другому и принесло бы много пользы нашему общему делу, а события могли сложиться совершенно по-иному. Но мужество отсутствовало, слезы же и жалобы друг другу шли «потоком». Н. С. Хрущев, чувствуя, что в его адрес никаких замечаний нет, все больше веровал в свою «непогрешимость». И вопрос был доведен до «точки кипения», а так как «предохранительного клапана» не было, то дело дошло до «взрыва».

Позже многие члены Президиума ЦК КПСС говорили, что Н. С. Хрущев был горяч, несколько резок, но незлопамятен и очень общителен, берег кадры, с которыми он работал. Безусловно, он глубоко был предан нашей партии. Многие говорили, что впоследствии при новом руководстве все это было утеряно.

Одним словом, выступать было нелегко, а надо, «ставка сделана, игру вести надо».

В своем выступлении я остановился на вопросах работы промышленности, сельского хозяйства, партийно-организационных. Ущемление прав республик, непрерывные реорганизации всех звеньев порождали неуверенность, отрицательно сказывались на нормальной жизни партии и страны. Но вся порочность «наших установок» заключается в том, что неизвестно кем и когда установлено. Получается, что если кто политический руководитель, то он должен быть непререкаемым вождем, изрекать только истины, причем «глубокие и гениальные» и все эти истины должны восприниматься всем народом, партией и поддерживаться. Средства массовой информации и пропаганды наперебой восхваляют «гениальность» мыслей, непререкаемость высказываний. И все это и другое стараются «объяснить» авторитетом, порядком и дисциплиной. На самом же деле создаем культ, уверенность в непогрешимости и «гениальности». А часто в угоду всему этому идем на искажение исторических фактов. Нигде, никто, ни под каким «предлогом» не может покритиковать действия руководителя, сделать замечания или высказать свою точку зрения. Фактов по этим вопросам можно привести множество, но об этом несколько позже. Страдаем мы и другой крайностью: если отстранили руководителя от власти, то тогда валим на него все и вся. Все это воспринимается в партийных рядах и в народе болезненно, со значительным недоверием к проводимым мероприятиям. Часто наспех выдвинутые лозунги мы «одобряем», много пишем, шумим, а потом забываем о них или стыдливо умалчиваем. Так было с призывом «перегнать США по производству молока, мяса на душу населения» или «в течение десяти лет предоставить каждой семье отдельную квартиру»²¹. Не один же человек это «выдумывает», а если он «выдумывает», то надо, чтобы находились силы, разумно противодействующие подобным иллюзиям и политической демагогии. <...>

Когда я «осмелился» сказать несколько критических замечаний в адрес Президиума ЦК, это кое-кому очень не понравилось. Еще тогда по моему выступлению Брежнев проронил: «Ну что ж, выступает кто как может и как понимает». <...>

Во время моего выступления Н. С. Хрущев подавал несколько раз реплики, на них я давал ответы, парировал, а под конец ска-

зал: «Никита Сергеевич, мы вас слушали много раз — послушайте один раз нас».

После меня выступал Воронов Г. И. — Председатель Совмина РСФСР. Он очень резко говорил о культе личности Н. С. Хрущева, нетерпимости его к замечаниям, издевательском тоне в разговоре с товарищами по работе, о порочном стиле работы.

Выступление Шелепина А. Н. Свое выступление он построил на том, что стиль работы у Никиты Сергеевича порочный. Даже в своем выступлении на данном Президиуме он пытался оправдать свои действия. В Президиуме сложилась обстановка нетерпимая. Н. С. Хрущев всем дает клички и характеристики и ни с кем не считается.

Выступление Кириленко А. П. Он сказал, что Н. С. Хрущев нарушает ленинский стиль в работе, нарушается коллегиальное руководство. «Окрики на членов Президиума и секретарей ЦК и приклеивание им ярлыков» также недопустимо, когда вся власть сосредоточена в одних руках.

Выступление Мазурова К. Т. Очень короткое выступление — держался очень скованно, чересчур трусливо. Несколько слов сказал о культе личности Н. С. Хрущева. О Казахстане было сказано, что «никто экономического эффекта не подсчитывал по освоению целинных земель, и тут имеется много сомнительных «показателей», никто никогда не подсчитывает всех затрат на производство зерна. Было сказано о принижении роли партийных организаций.

В общем, выступление «прозвучало» очень глухо и само по себе было довольно серым.

Выступление Ефремова Л. Н. Почему-то говорили, что он выступил плохо, но с этим согласиться нельзя. Надеялись, что он выступит крикливо, на высоких тонах, как он всегда выступал, но на сей раз это не получилось. Он чувствовал всю серьезность вопроса, а многое ему не было известно. В своем выступлении он затронул один вопрос — нарушение уставных норм партийной жизни в связи со всякими реорганизациями по партийной линии — и это соответствовало действительности.

Выступление Мжаванадзе В. П. Выступление было хорошим, аргументированным, продуманным. Основная тема выступления — это то, что Н. С. Хрущев своим нетактичным поведением с руководителями социалистических стран внес диссонанс в общее дело «союзнчества».

У Хрущева действительно были «нотки» недозволенности с соцстранами. Поехав в Румынию, он начал «обучать» румын, как сеять и обрабатывать кукурузу, хотя румыны уже к этому времени собирали урожай в 2–2,5 раза выше, нежели мы. В Крыму

я был свидетелем резкого разговора Первого секретаря ЦК ПОРП Гомулки с Хрущевым. Последний «серьезно» критиковал поляков за низкие урожаи картофеля, хотя поляки собирали урожай в 1,5–2 раза выше нашего. Тогда В. Гомулка апеллировал ко мне: «Скажи ты ему (Хрущеву), что поляки больше собирают картофеля с гектара, чем Украина, не говоря уже о всей вашей стране». И это было так. Я был в составе советской делегации в Венгрии. Н. С. Хрущев и там пытался «поучать» венгров, как вести откорм крупного рогатого скота на мясо, хотя еще тогда венгры могли служить для нас примером, образцом, и мы в этом отношении отставали от них.

Из фактов и наблюдений можно было сделать вывод, что много было «вопросов», которые задевали соцстраны, а их руководители относились к нам с «настороженностью». Хотя надо сказать откровенно, что все руководители соцстран очень уважительно относились к Н. С. Хрущеву.

Выступление Суслова М. А. Он начал свое выступление с того, что «в Президиуме ЦК КПСС нет здоровой рабочей обстановки, в практическом проведении в жизнь ленинских норм партийной жизни имеются серьезные нарушения. Н. С. Хрущев этого не понимает или не хочет понимать. Создается такая обстановка, когда унижается достоинство человека, это разрушает все помыслы "творческой деятельности". Вокруг Н. С. Хрущева выросла группа подхалимов, льстецов, а он это поощряет, ему это нравится. В газетах, средствах массовой информации и пропаганды процветает культ Хрущева. В средствах массовой информации извращаются истинная обстановка и положение в партии и стране» (Хотя ради справедливости надо заметить, что «организатором» всей шумихи в газетах и средствах массовой информации и пропаганды являлся не кто иной, как сам Суслов.)

Выступление Гришина В. В. (ВЦСПС). «Жаловался» на то, что ни по одному вопросу нельзя посоветоваться с Н. С. Хрущевым. Он, по существу, игнорирует огромную работу ВЦСПС. Хрущев убежден в том, что его мнение по любому вопросу непогрешимо. В Президиуме ЦК нет коллегиального руководства. В работе промышленности большие недостатки. Критиковал форму проведения Пленумов ЦК КПСС, «манипуляций» с пятилетним планом: пятилетка не выходит — давайте сделаем семилетку и таким образом выполним за семь лет то, что намечалось на пять лет.

Выступление Рашидова Р. Резко выступил по поводу бесконечных и не совсем продуманных реорганизаций в сельском хозяйстве. «Совершенно неправильно, что мы стремимся упразднить сельские райкомы партии». Последняя записка Н. С. Хрущева по сельскому

хозяйству сумбурная. Разделение обкомов приносит большой вред. В подборе кадров нарушается ленинская формулировка — «кадры подбирать по деловым и политическим признакам», кадры больше подбираются по субъективному признаку и по «настроению».

14 октября 1964 года утром, в 11 часов, возобновил свое заседание Президиум ЦК.

Первым выступил Полянский Д. С. Полянский говорил, что «наша линия выработана правильно, но поведение Никиты Сергеевича наносит вред всему здоровому смыслу. Мы, члены Президиума, видим, что Хрущев потерял самоконтроль над собой, проявляет нервозность и ярость в отношениях, он не сплачивает коллектив, а, наоборот, разъединяет его. Начиная с 1953 до 1958 года был какой-то успех в сельском хозяйстве, а затем наступил застой и глубокое разочарование. Если валовая продукция в промышленности за пятилетие выросла на 48%, то по сельскому хозяйству она стоит на нуле. В деревне происходит деграция, деревня стареет, молодежь уходит из села, надо что-то делать для укрепления села. Общее снабжение населения страны сельхозпродуктами находится на крайне низком уровне и вызывает большие нарекания. В цифрах по сельскому хозяйству много «жонглерства». Старовский (ЦСУ) — это главный исполнитель всех манипуляций. Сельское хозяйство, по существу, дезорганизовано по вине Н. С. Хрущева. Поляков — заведующий сельхозотделом ЦК КПСС — это случайный человек, он был и есть остается подхалимом, и его надо немедленно снять с работы.

Остро критиковал Т. Лысенко — «он Аракчеев в науке, а сельхознауки, как таковой, у нас нет. Есть подтасовка и подражание Хрущеву. Многие вопросы по сельскому хозяйству и его науке принимаются с ходу, необдуманно. Критика Сталина была проведена недозволенными методами в нашей партии, и это нанесло большой вред нашей идеологии, нашей партии в целом. Сам Н. С. Хрущев проявляет культ, только еще в худшем виде. Аджубей, редактор газеты "Известия", зять Хрущева, распоясался так, что стремится стоять над Президиумом ЦК КПСС. Сын Хрущева, Сергей, без году неделя как работает на производстве, и уже он Герой Социалистического Труда²² — обо всем этом идут в народе нехорошие разговоры. А Никита Сергеевич все это или поощряет, или не хочет замечать. (Ради справедливости надо сказать, что Сергея из подхалимских побуждений Героем сделали Брежнев и Устинов, и Хрущев все это узнал как совершившийся факт.) Никита Сергеевич заболел манией величия — ему надо уйти со всех постов с хорошим именем, и мы не будем вспоминать ему ничего».

Чувствовалось, что выступление Полянского было специально подготовлено «коллективно» — во всяком случае, была дана «консультация», это точно известно. Дано некоторое направление и Подгорным, чтобы обострить обстановку, хотя по ходу обсуждения в этом не было никакой необходимости.

Выступление Косыгина А. Н. Он в своем выступлении сказал, что полумерами здесь не обойтись. Стиль работы и руководства у Н. С. Хрущева является не ленинским. Он на XXII съезде партии один сделал два доклада при открытии и закрытии съезда. Культ Н. С. Хрущева разросся до огромных размеров, в печати появляются хвалебные статьи и письма в его адрес. Хрущев противопоставляет себя всему коллективу Президиума ЦК КПСС, организует «групповщину» и «интриги» среди членов Президиума, он охаял доклад Суслова по идеологическим вопросам. Много вопросов решается субъективно, неправильно, он сам того не замечает, упивается властью. (Интересно было бы послушать, что бы сказал Косыгин о Брежневе, если бы ему предоставилась такая возможность?) При разработке пятилетних планов допускается легкий подход, он легко переходит с пятилетнего плана на 7–8 — и даже 10-летний план. В решение военно-технических вопросов не привлекает к работе членов Комитета обороны. Выступление Косыгина было резкое, нервное, чувствовалась нотка личной обиды и некоторой неприязни к Хрущеву. Почему это так, об этом будет сказано несколько позже.

А. И. Микоян. Выступление было насыщено большой маневренностью, рядом манипуляций. Он говорил о большом подъеме и спаде в работе Н. С. Хрущева, о его большой энергии. Вместе с тем о некоторых «юзах» в политической деятельности. Говоря о внешнеполитической деятельности, он сказал, что все эти вопросы решались коллективно, и в ряде случаев небезуспешно, например, Суэцкий кризис, который был в 1956 году. Он разрешился в нашу пользу и в пользу мира только благодаря самым решительным мерам и выдержке. Кубинский вопрос тоже показал нашу силу; хотя мы и увезли с Кубы ракеты, но мы сохранили саму Кубу и мир, показали, что у латиноамериканских стран есть надежда и защита. О взаимоотношениях с Китаем и Мао Цзэдуном. Это довольно сложный вопрос, и мы должны проводить свою линию принципиально, хотя, откровенно говоря, можно было кое-что сделать больше, в некоторых вопросах не нужно было идти на резкое обострение, и, конечно, недопустимы личные оскорбления политического руководства страны, вроде как заявления, что «Мао — это старая калоша». Это не стиль и не метод разрешения политических и идеологи-

ческих споров. О «рязанском деле» — это, конечно, была явная авантюра, и Н. С. пошел на поводу кое у кого, но он должен за это отвечать.

Н. С. Хрущев действительно за последнее время стал вспыльчив, раздражителен, допускает оскорбление товарищей — очевидно, это связано с определенными трудностями. Но какой бы резкий разговор с ним ни состоялся, потом к нему всегда можно подойти поговорить, если есть необходимость объясниться, он всегда выслушает, он не злопамятный, объективный в оценке поведения товарищей. Много здесь говорили о культе Хрущева, я обвиняю в этом прежде всего нашу прессу, средства массовой информации, пропаганду, это они раздувают культ. Косыгин здесь говорил, что Н. С. Хрущеву надо пойти в отставку, вряд ли можно с этим согласиться — может быть, стоит, наверняка стоит разделить посты. Н. С. Хрущев пользуется авторитетом у нас и во внешнем мире. Для такого масштаба деятельности он еще не стар, а Косыгин молод и рассуждает не совсем правильно и продуманно. Надо крепко покритиковать Никиту Сергеевича, он исправит положение, а нам всем надо ему больше помогать.

Н. В. Подгорный. Начал свою речь с того, что выступление А. И. Микояна назвал неправильным. Если по поднятию его культа он и не давал прямых указаний, так он все это одобрял и молчаливо соглашался, и это наносит большой вред нашему общему делу. Много допущено ошибок в руководстве сельским хозяйством и промышленностью. О состоянии готовности страны к обороне мы не в курсе дела. Никита Сергеевич допустил много ошибок и просчетов в вопросах сплочения социалистического лагеря. Подгорный вносит предложение созвать Пленум ЦК КПСС, разделить посты. Никиту Сергеевича освободить от всех обязанностей. Как это отразится? Определенные издержки будем нести, но это делать надо. (Что думал потом Подгорный о культе Брежнева? Ведь такого еще не было никогда.)

Л. И. Брежнев. Начал свое выступление с того, что сказал: «У Н. С. Хрущева нет скромности, очень большое властолюбие, он возносит свой культ через печать, радио, телевидение, он все это видит, но не пресекает». На этом, собственно говоря, и закончилось его выступление.

Нам этом закончились и выступления. Спросили секретарей ЦК КПСС Ильичева, Рудакова, Титова, Демичева, Андропова и председателя КПК Шверника, согласны ли они с постановкой вопроса и нет ли у них своих предложений. Все заявили свое согласие. Микоян попросил слова и в нем присоединился ко всему, что было сказано.

Выступление Н. С. Хрущева. Он был сильно расстроен, просто подавлен, чувствовал, что он бессилён во всех отношениях и изолирован. И все же он нашел в себе силы и мужество сказать, что он благодарит за то, что в его адрес сказали кое-что и положительное. Он дал высокую оценку коллективу, сказав при этом: «Я рад за Президиум, что он такой зрелый и все, что сейчас делается, мог сделать, это победа нашей партии, в этом есть и моя крупинка. Я не могу с вами бороться — идеология и основа у нас с вами одна, я уйду и драться не буду». Он еще раз извинился за то, что, может быть, когда-то в отношении кого-либо из товарищей допустил оскорбление. Продолжая далее свое выступление, он сказал: «Мне предъявили ряд обвинений, с которыми я не могу согласиться, а ряд положений я сейчас просто не могу вспомнить и парировать их. Какая главная моя ошибка? Это слабость характера, доверчивость и простота, может быть, еще что, чего я сам не замечал. Но и вы ведь все здесь присутствующие о них мне никогда откровенно не говорили. Меня обвиняют в том, что я совмещаю два поста: Первого секретаря ЦК и Предсовмина, но вы все должны согласиться, что я лично не добивался этого. Моя ошибка в том, что я нерешительно противился вашему настоянию в этом вопросе. Первый секретарь ЦК и председатель Бюро ЦК по РСФСР — вполне достаточно забот, но многие из вас, в том числе и вы, тов. Брежнев, настаивали на том, чтобы я принял пост Предсовмина СССР. Я признаю, что допускал некоторую грубость и нетактичность по отношению к науке, в частности, к Академии наук, но то, что их надо заставлять работать, остается истиной.

Н. С. Хрущев аргументированно выступил по принятым мерам в событиях по Суэцкому каналу в 1956 году, мероприятиях по Карибскому кризису, связанных с событиями на Кубе, когда пришлось увезти оттуда ракеты, но сохранить Кубу. О мероприятиях, проводимых в ГДР по установлению границы в Берлине. Все эти меры он оценил как положительные и сказал, что по-другому решить их нельзя было. Продолжая выступление, Хрущев сказал: «Все эти меры хорошие, и они вами всеми были в свое время одобрены, так почему сейчас поднимается вопрос и ставится все это мне в вину? Некоторые говорят здесь о более решительных мерах с нашей стороны против Китая, его политики. Говорить можно все, но вот как сделать конкретно, никто не может даже порекомендовать. Отношения с Китаем — это вопрос очень сложный. Вы с этим вопросом тоже столкнетесь не один раз и будете иметь много сложностей и неприятностей».

«Я понимаю, — сказал Н. С. Хрущев, — что это моя последняя политическая речь — лебединая песня. На Пленуме я выступать

не буду, но хотел бы обратиться к Пленуму с просьбой». С какой, Н. С. Хрущев не сказал. Ему этого сделать и не разрешили. На глазах у Н. С. Хрущева появились слезы, и он сказал: «Очевидно, так у нас водится, что заслужил или не заслужил, но при определенных обстоятельствах получай». Дальше Хрущев сказал: «Я сам думал, что надо было уходить, что со многими вопросами я не справляюсь. Страдал я от того, что не мог с вами встречаться почаще и обсуждать вопросы просто, по-человечески. Здесь говорили о моем зазнайстве. Очевидно, при нормальном положении вам надо было меня в какой-то мере оберегать от этого порока, а это значит, надо было мне прямо и откровенно в нашем кругу говорить об этом, но для этого тоже нужна была прежде всего честность и смелость, но речь сейчас идет не об этом. Напишите заявление о моем уходе, я его подпишу — я полагаюсь на вас в этом вопросе».

Н. С. Хрущев далее заявил: «Если нужно, я уеду из Москвы». Кто-то подал реплику: «Зачем это делать? Не нужно». Это нашло всеобщую поддержку — решили оставить Хрущева в Москве и соответственно материально обеспечить. Н. С. Хрущев еще нашел в себе силы и под конец своего выступления сказал: «Если у вас пойдут дела хорошо, я буду только радоваться и следить за сообщениями газет».

